

Андрей Соколов

ШОУ

Искажая реальность, отражай суть
(Закон Императора Янь Инь
«О Кривых Зеркалах»)

Происшествие

Большой черный кортеж президента летел по узкой загородной дороге. Снайперы гроздьями спелых шишек висели на елях и выглядывали из кюветов. Люди с полосатыми дубинками отдавали честь и шептались по рациям. Из окон и крыш Барклаевского проспекта блестели кружочки оптических прицелов, как CD-диски в кабине грузовика. Столица стояла. Сотни тысяч машин почтительно замерли в пробках на Внешнем, Внутреннем и Среднем кольце, на проспектах и мелких улочках, на вылетающих из Столицы магистралях, на пересечениях с главной трассой и на прилегающих второстепенных и третьестепенных переулках и объездах. Замерли, терпеливо ожидая, приветственно мигая поворотниками, радостно моргая фарами, почтительно гудя и уважительно порывивая, пропуская главного труженика страны на работу.

На редком для Андреевского шоссе прямом участке стояли два гаишника, два приятеля и собутыльника, два боевых товарища, два кормильца и охотника, два профессионала, два работяги-сержанта Алексей Мордоросов и Владимир Красукин. Стояли, повернув лицо навстречу утренней поземке, не щурясь и не сутулясь, периодически прикрывая лицо черными прямоугольниками раций и тоскливо ожидая, когда же наконец проедет Президент и можно будет заняться любимым и приятным, а главное, полезным для детей, жены, живота и любовницы делом — сбором дани.

Мордоросов в сердцах привычно матерился, что его назначили служить на эту трассу, ибо знал, что на любой другой мигалок меньше, а добычи больше, что шанс остановить пьяного сына прокурора и получить вместо ста баксов с буржуя плевков в окошко с сынка на этой трассе гораздо выше, чем на иной другой. И Алексей тихо ненавидел ментов, орудующих на второстепенных дорогах и в спальных районах. Красукин же никого не ненавидел. Он был большой, даже жирный, но добродушный парень, он никогда не подбрасывал в багажник шоферу ни наркоту, ни патроны, не арестовывал красивых баб на улице, чтоб трахнуть их до опознания личности в КПЗ или прямо в обезьяннике. В общем, он был честным парнем, только по нужде стопорящим водил за превышение скорости своим отрегулированным «как надо» радаром. А нужда его была в том, что любил он борщ и водку, и свою жену, которая любила шубы из норки, и свой двухдверный «мерс», за который Красукин отдавал сейчас долг Мордоросову. Ибо Мордоросов был старше и служил дольше, и свой «мерс», БМВ сына и «крузер» жены уже оплатил и мог дать в долг товарищу.

Утренний геморрой Мордоросова и Красукина должен был закончиться через несколько секунд — кортеж уже проехал Красукина и приближался к Мордоросову, когда произошло то, чего произойти никак не могло.

Полыхнули и мгновенно загорелись ели по обеим сторонам шоссе. Снайперы шишками вместе с охапками снега посыпались с веток в кювет на бойцов нижнего охранения. Температура с минус 20 поднялась до плюс 10, и Мордоросов, то ли от огня и неожиданности, то ли от перепада температур, сейчас же взмок, да так, что по штанине в сапог потек тонкий и горячий ручеек.

Зимняя природа, не ожидавшая такого поворота сюжета, мгновенно стала испаряться, превращаясь над дорогой в пар и смешиваясь с густым хвойным дымом, а на асфальте воплощаясь в ледяную корку, гладкую, как хоккейное поле на чемпионате мира. «Кайенги», «крузеры», «брабусы», «мерсы», перемигиваясь лампочками на крышах, закружили по этой пленке, несмотря на шипы и шины от «Дольче-Габбана», в веселом новогоднем хороводе. И кружили от Красукина до Мордоросова, радостно завывая и сигналив, сводя с ума АВС и круиз-контроль.

Мастерство водил не позволило дорогим тачкам слишком тесно прижаться друг к другу в этом утреннем танце и, выровнявшись, уже за Мордоросовым вынырнув из дыма и пара, они понеслись дальше к Столице, оставляя Мордоросову запах горелой резины и форсированного выхлопа бронированных лимузинов.

Когда кортеж поравнялся с Красукиным, в нем было ровно 9 машин. Президент любил нечетные числа. Когда же кортеж миновал Мордоросова, в нем было уже 8 машин. Четные числа любил Премьер. Эта разница во вкусах иногда немного портила нервы старым приятелям — Президенту и Премьеру, но в целом они управляли страной дружно и слаженно, и счета каждого из них, а также членов их семей, стабильно пополнялись европейскими и американскими рублями, а портфели — акциями компаний. И оба они справедливо считали это положение дел залогом стабильности не только личной, но и всей страны в целом.

Но куда делась в дыму и пару девятая машина? И кто ехал в этой машине?.. Это стало понятно уже только на Барклаевском, точнее на Среднем Арбате, прямо напротив казино.

Кортеж ударил по тормозам и встал посередине проспекта восемью большими черными быками, выбрасывая из-под ноздрей капота пар, а из задней трубы выхлопы то ли ярости, то ли ужаса. Сирены мгновенно смолкли, и ни один звук не нарушал хрустящей тишины зимнего морозного утра. И только сугробы у обочин вспыхивали то синим, то красным отблеском ошарашено вращающихся мигалок. На улице была тишина, но в животе черных быков бурлили страсти — булькали рации, пузырились телефоны. Засевшие в чреве машин охранники метались, паниковали и матерились, как глисты внутри кишечника в предчувствии лечения. Пропала машина Президента.

Самое неприятное в этом событии было, конечно, то, что кортеж замер не за воротами Комплекса Правительственных Зданий, а посередине улицы, прямо под окнами радиостанции Эго. А за окнами радиостанции было полным-полно любопытных журналистов — людей вреднейшей профессии, только по недосмотру государства до сих пор не запрещенной.

Журналисты люди странные — когда все кругом мигает и завывает, провожая машину чиновника, они не замечают и никак не отражают это знаменательное событие. Но стоит сирене чиновника смолкнуть, они тут как тут со своими вредными вопросами: «кто, что, почему».

Итак, если говорить не государственным языком, кортеж за это утро спалился дважды. В буквальном смысле на андреевке и в переносном — под окнами радиостанции.

Главный редактор Эга был человек ушлый и сразу позвонил в Администрацию Президента, где ему сказали, что все в порядке и кортеж вовсе не тормозил и даже не снижал скорости на Среднем Арбате. Разумеется, Главный редактор поверил телефонной трубке, а не своим глазам, но пока он бережно нес это сообщение своим сотрудникам, эти недисциплинированные люди уже успели сообщить сию новость не только родным и знакомым, но и на новостные ленты ВВС и CNN. Это была катастрофа.

Через час Столица ожила, и мимо казино осторожно поехали первые цветные автомобильчики, умиряя свою мощь пониженной передачей не из-за гололеда, а потому

как знали, что оголодавшие за время проезда кортежа гаишники будут тормозить их нещадно.

Через час, как раз когда на улицах появился свет и звук, в редакции Главной газеты страны стояла полная тишина, если не считать, конечно, клацанья клавиатур. Их челюсти пережевывали новости. Новости, которые давали им пожевать, были пресны и тягучи, как коровья жвачка. Но что-то же надо было жевать и выплевывать на страницы для дальнейшего переваривания читателями. Телефоны на всех столах мигали, как новогодние елки, но отвечал на звонки только один специально обученный человек. Он отвечал правильно, но это уже ничего не решало. Человек понимал это и устало продолжал врать в трубку, пропуская возражения мимо ушей, не удостоивая их ответами.

По ВВС первой новостью шло исчезновение Президента, а по правильным каналам — визит Премьера на очередной военный завод.

Премьер был зол. Это было видно, и камеры старались акцентироваться на его затылке, впервые в эфире уделяя больше экранного пространства внимающему народу, чем проникновенному взгляду Премьера.

Премьер был зол на охрану, на телевизионщиков, на народ, на Президента, но больше всего на ВВС, в котором на телефонах сидели совершенно неправильные и необученные люди, и теперь ему придется заниматься поисками Президента под прицелом их телекамер и под присмотром назойливых, как мухи, репортеров.

А пока Премьер потел на заводе, расследование шло своим чередом.

Все службы, которым полагалось оказаться между Красукиным и Мордоросовым, оказались на месте в весьма краткое время. Служб было много, ибо велика нужда государства в службах. Много было и служивых, ибо есть правило, что чем значительнее Служба, тем больше в ней служивых, чем больше служивых, тем меньше толку, а чем меньше толку, тем служивых должно становиться больше, дабы значительность Службы видна была.

Служивые приехали, оцепили, натоптали, никого не пуская в зону своего натопта. Собрали все незатоптанные улики в количестве ноль штук и разъехались по своим важным Службам, оставив у обочины Службы поменьше — гаишников, ментов, прокурорских, снующих вокруг своих машин, как усики вокруг таракана. Усики были злы. Злы на большие Службы, которые только что были тут и топтали, светили и резали, как ответственный квартиросъемщик режет на кухне батон, смахивая крошки на пол тараканам, жмущимся у плинтуса. Но вот этот Большой нарезал, наконец, свой батон, выключил свет и ушел. И выползли тогда из-под плинтуса, отлепились от обочины кухни тараканы, и ни одна оброненная крошка от них в этот день не ушла.

А крошек было много, но и тараканов было тоже много.

Машины стопорили поголовно. Продолжалось это до обеда, ибо обед — это время у мелких Служб святое, вроде шабата у иудеев или пятницы у мусульман.

Но за это время в битве с крошками победили тараканы. Некоторые крошки расследовали на месте, оставляя им лишь кредитки, некоторых отправляли в обезьянник. Это зависело от рожи и марки машины, от пропуска на лобовом стекле или его отсутствия, от находчивости водилы и от его выдержки.

У некоторых водил, в основном хозяев магазинов, саун, ресторанов, под сиденьем или в багажнике находили патроны, и после визита к следователю они возвращались домой свободными людьми, любимыми мужьями и отцами, и уже не хозяевами ресторанов, магазинов и саун. И не могло быть иначе, ибо если Службы вышли на охоту, то должны быть трофеи, иначе какая же это Служба и какая же это охота. И должен служивый ловить виновных, а известно, что если пойман, значит виновен, а если виновен, то должен искупить.

Пока маленькие Службы управляли финансовыми потоками между Красукиным и Мордоросовым, большие Службы уже сидели подле кабинета Премьера в ожидании аудиенции. Они знали, что Премьер примет их через 15 минут, ибо у каждой должности есть свое время для ожидания в предбаннике начальства и время это, для каждого ранга разное, доподлинно, до секунды, известно любому чиновнику.

Как и было предreshено, через 15 минут Главные служивые больших Служб вошли в кабинет Премьера.

На лице Премьера была привычная и знакомая всем по телекартинке решительность и собранность. Разумеется, Премьер был уже в курсе всего и не стал тратить драгоценное время на заслушивание рассказа о ходе расследования и принятых мерах. Привыкнув мыслить по-государственному, широко и масштабно, Премьер сразу выдал Службам указания, которые надо было привести в исполнение немедленно, ответив асимметрично на вылазки и происки.

В первую очередь Премьер сразу сузил круг подозреваемых, указав, что исчезновение Президента — это вне всякого сомнения попытка Америки дестабилизировать ситуацию в Стране. Главные служивые согласно склонили головы.

Чтобы пресечь на корню эту попытку дестабилизации, Премьер передал служивым Указ об отмене президентских выборов, а равно и любых других выборов вплоть до завершения расследования и возвращения законного Президента в его законное кресло.

После этого Премьер предложил главам Служб присесть за большой стол и обсудил с ними более мелкие детали, такие, как формирование Комиссии по поискам, формирование разведывательной и поисковой групп, формирование Комиссии по контролю за поиском, Комиссии по контролю за утечкой информации, Комиссии по разработке правильной информации, Комиссии по поиску виновных и ряда других не менее важных комиссий. На этом рабочий день Премьера закончился, и он пошел обедать вместе со своим старым корешем, Вице-премьером.

Никто не знает, о чем говорили два приятеля за обедом, но, тем не менее, доподлинно известно, что они обсуждали сроки, в которые Президента надо бы найти, и сроки, в которые его находить будет рановато, а также ряд экономических вопросов, связанных с изменением акционерных портфелей нескольких крупных предприятий в пользу Премьера и его соратника.

А в это время в курилке радиостанции на Арбате было непривычно тихо. И не потому, что там никого не было и не потому, что там никто не разговаривал. Напротив, за это время в курилке попарно перебивали все сотрудники радиостанции, даже те, кто никогда не курил. Новость и ее обсуждение явно выходили из под контроля, и о происшедшем уже знали не только журналисты, звукооператоры, референты и бухгалтеры, но даже курьеры.

И беда-то вовсе не в том, что курьеры узнали, что пропал Президент, беда в том, что курьером на радиостанции работал студент первого курса журфака Максим Задорнов. А что можно ожидать хорошего от такого курьера — горы амбиций, молодецкое рвение, полное незнание правил безопасности и отсюда желание влезть куда не надо и самому все разузнать. Так что ничего хорошего не предвещало то, что новость об исчезновении Президента доползла до уха Максима, пусть и окольными, но вполне надежными путями. И Максим рванул.

Макс подумал, что вот... «Я найду Президента, я стану героем, я стану звездой журналистики, у меня будет свое ток-шоу на Первом». И эта мысль так долбанула его голову изнутри, прямо по мозгам, что он тут же сбежал с работы, даже не оформив отпуск за свой счет. Максим рванул на поиски.

Поиск

Но не только Максим искал Президента. Искали и те, кому было положено его искать. Прежде всего, как мы уже знаем, искал Премьер и его Вице. Затем Главы больших Служб, затем Комиссии и, наконец, поисковая и разведывательная группы. В общей сложности около 15 тысяч человек.

Поисковая группа была сформирована из курсантов Высшей Школы Всех Служб. Такое решение было принято по нескольким соображениям. Во-первых, здоровы, молоды, не отягощены семьей, дополнительной нагрузкой, и несмотря на отягощение алкоголем, переносят его гораздо стойче, чем старшие товарищи. Кроме этого, все старшие товарищи были по горло заняты не только основной работой, но и огромной дополнительной нагрузкой, на которую тратили много времени и сил. А именно, у каждого из них была вверенная ему вотчина, которую ему приходилось каждый день пахать и возделывать, добывая с нее насущный хлеб не только себе, но и вышестоящим сотрудникам. И хорошо было лейтенантам — их вотчина, как правило, заключалась не более чем в десятке фирмочек, магазинчиков, аптек, а каково было генералам... Ведь не только собрать надо было урожай, но еще и переварить. И пухли у генералов животы, и доктора уже не в силах были им помочь.

А курсанты — люди не обремененные. Впрочем, и тут выбор был тяжел. Нужно было найти курсантов, не отягощенных семьей. А у многих были отцы. И отцы эти были полковники, майоры, генералы Служб. А это обременение, да еще какое. Ведь кроме непосредственной учебы с другими курсантами, эти сыны были дополнительно обучаемы отцами, и не как-нибудь, а в боевых условиях вотчины. А это значит, что силы этих курсантов были подорваны непосильной учебой, и они уже не могли даже перемещаться обычным способом — к ним вынуждены были приставить машину с водителем, дабы и последние силы не покинули будущих лучших людей Служб.

Можно с уважением и почтением оценить прозорливость Премьера, создавшего столько комиссий в первый же день происшествия, ибо если бы не эти комиссии, то сколько ошибок можно было бы совершить, подбирая кадры для поисковой группы. Но, благодаря мудрости Премьера и комиссий, этого не произошло, и поисковый отряд был сформирован из четырех курсантов, которые были физически крепки и не обременены семьей и прочими государственными делами. Впрочем, больше и не нашлось... Остальные 4376 курсантов были заняты срочными поручениями на вотчинах отцов.

С формированием разведгруппы было проще, ибо известен был противник, указан был мудрым перстом Премьера, и оставалось только послать кому надо шифровки и связных.

Разведгруппа была сформирована довольно крепкая и многочисленная, ибо хорошая разведка — залог успеха любой поисковой операции. Для связных пришлось даже выделить дополнительный рейс из Столицы в Вашингтон. А шифровки так плотно ложились в эфир, что иногда создавали помехи не только американским радарам, но и телевизорам индейцев в невадских резервациях.

Разведгруппа и ее руководители действовали настолько мудро, смело и решительно, что почти все связные были от трапа самолета конвоированы в специальные американские одноместные комнаты с решетчатыми дверьми, а на охоту за шифровками были отправлены не пеленгаторы, а отряды собак, специально обученных находить передатчики по запаху горелой проводки.

И тем не менее, эффект атаки был достигнут — американский президент срочно собрал совещание.

— Мне не нравится, то, что происходит, — сказал президент Америки, — если так будет продолжаться, то у нас возникнут проблемы с койками. Мне прекрасно известно недоверие Премьера к нашей стране, мне также известно, что мы в данном случае совершенно ни при чем, но так как никакие мои уверения его в этом не убедят, то я прошу

вас организовать для его разведки утечку информации от нас и Моссада. Я думаю, что в наших интересах переориентировать Премьера на то, что это теракт китайцев. Этим займемся мы. А Моссад пусть намекнет резиденту Служб Премьера, что это дело рук арабских террористов. Думаю, моссадовцам это доставит большое удовольствие, тем более, что я готов увеличить финансирование этих операций втрое против обычного бюджета. Ну и постарайтесь поскорее найти их Президента, иначе этот бардак кончится еще очень не скоро. Если вопросов нет, то я вас более не задерживаю.

Вопросов не было, и все разошлись по своим конторам.

Президент очнулся. Он все еще был в своей машине, зажатый с двух сторон мощными телами храпящих охранников. Водитель и передний охранник также мирно спали. Президент поежился от холода и пихнул правого охранника локтем в бок. Охранник буркнул, пожевал губами и слегка повернулся, пытаясь вытянуть ноги. Президент выдохнул пар, ибо места для его грудной клетки на заднем сиденье лимузина почти совсем не осталось. Он попытался высвободиться из-под охранников, но их железные мышцы, находящиеся даже во сне на боевом взводе, не выпустили его тела. Президент огляделся. Все окна были запорошены снегом и покрыты тонким слоем инея. Мотор не работал, и температура в кабине никак не соответствовала дорожному, но тонкому пальто Президента. Глава государства начал осторожно раскачивать левого охранника, миллиметр за миллиметром освобождая свою затекшую руку. Через некоторое время ему это удалось. Тогда он изловчился и цапнул правого охранника за ухо. Охранник тотчас проснулся и ловким, отточенным движением заломил Президенту руку с такой силой, что Президент взвыл, как сирена на крыше машины сопровождения, разбудив остальных охранников. Они посыпались из дверей, выхватывая из-под одежды оружие и проваливаясь по пояс в окружающий лимузин снег. Правый охранник отпустил руку Президента, зевнул и выбросил свое натренированное тело из машины, держа на мушке все, что могло двигаться вокруг.

Но вокруг ничего не двигалось, если не считать плавного падения крупных снежинок. Даже облака, казалось, благоговейно застыли под дулами охраны. Солнце слепило едва проснувшиеся глаза, чистейший белый снег многократно усиливал сияние светила, и первое время охранники, щурясь, не могли заметить ничего вокруг. Но это длилось лишь пару секунд. Инстинкты сработали, и так же быстро, как в их руках появилось оружие, на их переносицы водрузились солнцезащитные очки. Теперь позиция была под контролем. Впереди был горный пик, сзади был другой пик, а машина Президента стояла между ними, в седловине, посреди глубокого снега, и кроме шапок замерших вокруг нее охранников не было видно никаких других отметин или следов. Водитель завел мотор и врубил печку. Президент захлопнул дверь.

Дед

Инструктаж поисковой группы, ввиду большой занятости инструкторов в работе одной из комиссий по поискам, занял не более 30 минут, после чего курсантам был выдан паек на три дня, табельное оружие и необходимые бумаги. С чем они и отбыли на место происшествия — в ту часть квадрата охраняемой правительственной трассы, где сутки через трое несли свою службу Красукин и Мордоросов.

Внедорожник времен войны во Вьетнаме, с неработающей печкой и не оборудованный мигалкой, довез курсантов до места всего за 2 часа. Обгоревшие деревья по обочинам дороги уже пилили и увозили на больших лесовозах, а вместо них в свежевыкопанные ямы уже втыкали новые пышные высоченные ели. На обочине было не приткнуться от машин прорабов, Служб, лесовозов и прочей подсобной техники, поэтому поисковая группа припарковалась на километр дальше и, пока шла обратно, довольно

сносно согрелась. Впрочем, на месте происшествия группа тоже долго задерживаться не стала — курсантов выгнали, чтобы не мешались под ногами в серьезном деле посадки елей, а на бумагу, выданную им в Главной Службе, даже не взглянули.

Еще через 3 часа ребята поисковой группы добрались до общаги и даже смогли промерзшими руками поставить чайник на закопченную общажную плиту.

— Ну ее, эту служебную тачку, в метро и быстрее, и теплее, — дрожа челюстью и запихивая руки под мышки, буркнул Серега Львов, поклонник всякой разведывательной беллетристики и кинофильмов про шпионов.

— Щас отопление включим и оживем, — ответил Леха Константинов, доставая водку и зажигая все конфорки большой общажной кухни.

Ребята выпили, стало теплее, и пальцы начали увереннее держать стакан с согревающим спиртовым раствором. А тут и чайник подоспел...

— Я что-то не понимаю, как мы выполним задание, если все происходит так, как происходит, — грея руки о кружку, сказал Вася, ни на кого не глядя, а разглядывая свое отражение в коричневой лужице чая. Он сидел, ссутулившись, подоткнув под попу полы пуховика, который, как и все остальные, не торопился снимать.

— Понимаешь, дружище, — ответил ему Боря с таким же ледяным спокойствием, с каким вел машину по столичным пробкам или рассматривал узоры инея на окне промасленной кухни их общаги, — у Службы должно быть все и всегда готово. И на случай победы, и на случай провала. На случай победы всегда найдутся герои, а вот на случай провала головы надо готовить. Нас вот и готовят.

— Что-то мне такой расклад не катит, — почувствовав правду в словах Боряна, чуть громче, начиная согреваться, отреагировал Сергей.

— А кому катит... — откликнулся Леха.

— Всем, — ответил Борис, — всем, кроме нас четверых. Всем нужны мальчишки для битвы, козлы отпущения и стрелочники на случай неудачи. А удачи никто не гарантировал. Стрелочники нужны начальству, нужны СМИ, нужны народу. Ибо если нет стрелочников, то виновным можешь оказаться ты сам. Так что братцы, у нас с вами два выхода. Первый — надеяться, что Президента найдут без нас, и второй — найти его самим.

— Ну, тогда давайте искать, — отчеканил Леха и салютнул приятелям стаканом.

— О'кей, — ответил Борис, достал из кармана мобильник и вышел из кухни.

Борис был потомственным разведчиком. А попал он в эту группу потому, что отец его погиб при выполнении интернационального долга в Африке, воюя за ангольские алмазы для родной казны, дед же вышел в отставку задолго до перепрофилирования Служб с решения внешних и общих задач на решение внутренних и личных, и сейчас колот дрова для собственноручно сложенной печи в заснеженной и отрезанной от цивилизации деревне предков, в каковой и дворов-то осталось всего пять.

Дед долго не подходил к телефону, отряхивая снег с валенок, чтобы не наследить в избе. Наконец, он снял трубку, выслушал и коротко сказал «приезжай». С чем Борис и вернулся на кухню.

Дорога до деревни была долгой, но благодаря электричке и длинной прогулке по заснеженному полю, в которое превратилась разбитая проселочная дорога, не такой холодной, как утренняя поездка по столице.

Дед ждал курсантов с натопленной печью и горячим обедом. И обед был так вкусен, а печь так натоплена, что ребята с морозца закемарили после трапезы прямо на лавке, опершись спиной о бревенчатую стену столетнего сруба.

Дед тронул Бориса за плечо и кивнул — «выйдем». Они поднялись и исчезли в соседней комнате за неприметной дверью, занавешенной медвежьей шкурой.

Это был кабинет деда, забитый книгами, заставленный спутниковыми тарелками, телевизорами, мониторами и компьютерами, к которым тянулись провода от автономных генераторов и солнечных батарей — электричество в деревне отрубалось регулярно, а дед не любил беспомощности и неведения.

Один из телевизоров передавал Евро-новости, где на английском языке осторожно сливали информацию про Китай, другой показывал официальные новости, где намекали на козни американцев. В компьютере была открыта страница с арабской вязью.

— Вот что я тебе скажу. Я скажу, а ты сразу забудешь. Понял?

Борис кивнул.

— Здесь Президента никто не будет искать. Премьеру от этого выгоды никакой. Не найдя Президента, он получит полную власть на неограниченный срок, да к тому же ни контроля, ни дележки. О таком подарке он мог лишь мечтать. Теперь ответь мне, кому может быть выгодно делать Премьеру такой подарок?

Борис молчал.

— Ну? — настаивал дед.

— Я не знаю.

— А ты не знай, ты рассуждай. Знают вертухаи. Разведчик должен рассуждать.

Дед помолчал.

— Давай снова. Американцам выгодно?

— Нет.

— Разумно. Один человек с огромной властью, без каких-либо сдерживающих институтов опасен, ибо каким бы святым бы он ни был изначально, но присосавшиеся к нему пиявки рано или поздно превратят его если не в маньяка, то в преступника. А у нас пока святых у руля, насколько я помню историю, не было. И американцы это понимают значительно лучше любого из нас — у них всегда есть как минимум одна голова, которая думает категорически не так, как большинство, но находится при этом не в одиночной камере, а достаточно близко к президентскому уху. У них это называется демократией, а у меня здесь это называется здравым смыслом, коим я и прошу величать сей порядок без примеси греческих демосов и кратосов.

Дед щелкнул мышкой, и на экране появились иероглифы.

— Китайцам?

— Вряд ли. Они только на соседей наезжают. Под остальных копают тихо.

— Ну, не так уж и тихо, но возразить им сложно. Они не копают, они заселяют. Америку или Сибирь. Но рано или поздно это переселение душ превратится в паутину, подобную Интернету, ибо, переселяясь, они не врастают в страну и культуру, а опутывают ее паутиной своих узлов, ресторанчиков, магазинчиков, заправок, банков. И любой, кто покусится на их коммунистическую родину, будет путаться в этой паутине, а как ты знаешь, муха, барахтаясь в паутине, запутывается только сильнее и становится обедом для паука. Кстати, как тебе мой новый вариант борща?

— Спасибо, было очень вкусно.

— Итак, это и не китайцы, не их почерк. Тогда кто?

— Арабы?

— Ну не смейся, чему я тебя учил. Дался арабам наш Президент. Они и страну-то в упор не видят. У них здесь есть Кавказ, и он для них замечательно всю страну доит так, как ни один Премьер не выдоит. Окстись.

— Премьеру... — то ли выдохнул, то ли сглотнул Борис.

Дед брезгливо поморщился: «Кишка тонка».

— Ну не знаю тогда. Больше игроков-то заинтересованных нет.

— Очень может быть. Предположим. Заметь, я не говорю ни «верно», ни «правильно», ибо мысль тогда сразу становится непогрешимой догмой, как религия у попов, и дальнейшие рассуждения совершенно невозможны. А разведчик должен рассуждать. У вас это называется анализировать, и вас этому учат.

— Не учат.
— Жаль. Но продолжим. Итак, мы предполагаем некую неизвестную доселе силу, способную на подобное похищение. Кстати, что там с уликами?
— Не знаю, нам не сказали ничего, а с трассы прогнали, да и затоптали там все уже, и деревья сажают.
— И много деревьев?
— Порядочно. Километр проехали, прежде чем припарковаться смогли.
— А что их сажают?
— Так погорело все с двух сторон.
— С двух сторон погорело, все машины целы, а одна пропала?
— Вроде так.
— И ни маячка, ни сигнала, ни звонка, ни SOSa?
— Нам не сказали.
— Думаю, если б были и если б вообще улики были, то ты бы здесь не сидел и спецовку стрелочника на тебя уже не примеряли бы.
Дед задумался.
— Будем исходить из того, что дело труба и улики на самом деле нет. Тем более, что у нас с тобой их и правда нет... Видишь ли, друг мой, если ты не можешь получить информацию от того, у кого она есть и кто обязан тебе ее дать, то попытайся получить ее у того, у кого ее не должно быть. Штас так и сделаем.
Дед воткнул в мобильник провод, сел к компу и застучал двумя пальцами по клавишам. Дед бил уверенно и точно, но слишком громко, и стеклянная дверь шкафа слегка позвякивала в ответ каждому удару. Борис знал, что за этой дверью, в запыленной коробке из-под трофейных конфет лежит пара золотых звезд, которые деду вручали здесь, когда он был там, и которые он никогда не надевал.
— Ты иди, вздремни с ребятами. Будущему лейтенанту Службы не стоит знать некоторых вещей до поры, чтобы не вылететь с этой службы.
Борис вышел.

Макс

Как журналисты добывают информацию? Звонят, треплются, налетают с вопросами, подслушивают, если удастся подобраться близко, обнимаются и втираются в доверие, если подпустят слишком близко. Но Максима никто близко не подпускал. Молод он был еще. Налетать с вопросами и звонить тоже особо было некому. Но Максим был курьером, а курьеру все двери открыты. Курьер вообще не человек, даже не функция, так, марка на конверте, иначе конверт не будет доставлен. А кто таится от почтовой марки? Никто. Поэтому Максим взял пустой конверт, сунул в него стопку чистых листов, заклеил, надписал и отправился туда, где информация могла быть. В корпункт ВВС.

Беспрепятственно, махая конвертом «лично в руки», Максим миновал охрану и оказался в самом нутре информационной службы. Он не стал спешить отдавать конверт «лично» тому, кому он был адресован, а вроде как скромно и растерянно встал в уголке, откуда видны были мониторы, недалеко от факса, который деловито распечатывал новые и новые подробности происшествия.

Времени было мало, а мониторов было много. Факс плевался непрерывно, а сноровка у Макса была еще не натренирована. Времени было в обрез — минута, две, и его заметят, и придется отдать конверт и уйти. Он пробежал глазами по мониторам: почта, поиск, порнуха, буржуйская социальная сеть, знакомства, фото... О, фото!.. На фото была трасса, вид сверху. И на трассе белое пятно, перекрывавшее значительную часть картинки. И в этом пятне тень, вроде самолет... ну да, фюзеляж, крылья... Лысина, сидевшая у монитора с фотографией, повернулась к нему и спросила, по чью душу он пришел. Максим шагнул навстречу лысине, отдал конверт, не сводя глаз с монитора, и

произнес «вам». Последний раз взглянул на картинку, пытаясь сфотографировать ее всеми клетками сетчатки, повернулся и вышел. «Это не есть я. Молодой человек... Эй!..» Максим закрыл за собой дверь редакции.

Тем временем машины разведок всех стран гудели, пыхтели и окутывались паром первых паровозов. Их штабы, подобно огромным паровым котлам, были раскалены до предела и собирались уже взорваться, когда наконец разведка Премьера заметила приготовленную для них утку и, радостно достав вилки, стала потрошить подкинутую информацию. Пар вышел, издав долгий победный гудок, паровозы были спасены, и машинисты побежали к начальникам станций на доклад об успешном начале операции «Утка для Премьера».

И вот в то время, когда сытый, послеобеденный Премьер обсуждал с Вице варианты покупки инкогнито небольшого бананового островка в Тихом океане, в комнату отдыха постучал Глава Главной Службы, чем несказанно огорчил Премьера, уже почти гревшегося на своем острове в шезлонге, на фоне шикарного океанского заката.

Глава Главной Службы тихо, четко, по-военному, без лишних слов и подробностей, доложил:

— Американцы ни при чем. Это Китай и арабы.

— Ну так разберитесь с ними! — раздраженно твякнул Премьер.

— А Президент? — все так же тихо произнес Глава Главной Службы.

— А что Президент? Ищите Президента! А тех, кто мешает — мочите! — и Премьер так глянул на Главу Главной Службы, что у того появилось сомнение, а не думает ли Премьер, что мешает он, Глава.

— Слушаюсь! — так же ровно и тихо ответил гость и растворился за дверью.

Премьер раздосадовано молчал. Вице подошел к бару и забулькал по стаканам, чтобы несколько разрядить обстановку.

Через пять минут все три ядерные подводные лодки страны взяли курс на арабский восток, а приграничные дивизии и эскадрильи были приведены в боевую готовность согласно приказу Главы Главной Службы.

Путь подводных лодок на арабский восток мог бы показаться учителю геометрии несколько странным, так как он всегда рассказывал школьникам, что кратчайшее расстояние между двумя точками — это прямая. Лодки двигались на восток галсами, больше приличными для парусной яхты, идущей против ветра, чем для мощной субмарины. Но это только на первый взгляд. Давно не воевавшая лодка, знавшая к тому же, что идет на войну не в очень многочисленной компании, воспринимала приказ «на восток» так же, как парус воспринимает сильный встречный ветер, а потому галсы становились все положе и продолжительнее, а путь все извилистее и длиннее.

Не лучше обстояло дело и с танками.

Несмотря на то, что ломанулись танки к границе напролом, одна из колонн застряла в болоте, которое на карте было помечено как четырехрядное шоссе, вторая, по причине расположившейся рядом перегонной базы китайских грузовичков, не могла двинуться с места, голодая от отсутствия горючки, а третья, поехавшая было по старой разбитой дороге, уперлась в лесовозы, которые мирно тащили лес к китайской границе и не собирались уступать дорогу каким-то там боевым машинам.

Полковник, матерясь и ломая корпусом танка придорожные кусты, ухая в кювет и с ревом вылетая на дорогу, обогнал колонну лесовозов и встал поперек шоссе перед головной машиной.

Из кабины не спеша вылез водила и шагнул навстречу танку.

Выслушав речь командира, доступную бумаге только после цензурированного перевода и в этом случае никак не отражающей сути сказанного, водила деловито и

размеренно произнес «Ты, служивый, свой трактор-то с дороги убери», повернулся и пошел к грузовику, доставая из кармана мобилу.

Опешивший было на секунду полковник разразился еще более витиеватой речью, перевести которую уж вовсе было бы невозможно, хотя смысл, странным образом, был совершенно понятен любому, после чего с криком «Орудие к бою» исчез в танковом нутре.

Пушка начала поворачиваться в сторону лесовоза, когда вдали послышался нарастающий гул шлепающих по воздуху вертолетных лопастей, и над колонной появился новейший противотанковый вертолет, который полковник совсем недавно видел по телевизору, когда Премьер посещал авиашоу.

Вертолет повисел немного над колонной, поворачивал пушками и пулеметами в своем подбрюшье, подался вперед и сел позади командирского танка, вытаращив на него черные глазницы смертоносных отверстий.

Из вертолета выскочил совсем молодой пацан и подбежал к танку, размахивая телефоном. Полковник высунулся из люка, но речь, видимо от удивления, так застряла у него в горле, что он молча взял трубку и приложил к уху.

— Ты что, полковник, из столицы приехал? Ты что, мать твою, мой лес тормозишь? Ты, что ли, неустойку китаезам платить будешь? — орал из трубки голос губернатора. — Убирай свои танки в жопу! Чтоб я их больше поперек моего леса не видел!

Полковник все так же молча протянул орущую трубку парнишке, сдулся в люк и захлопнул крышку. Парнишка постоял, подумал и пошел обратно к вертолету, держа продолжающую материться трубку чуть в стороне, точно боясь, что она забрызгает его губернаторской слюной.

Когда он залезал в кабину, командирский танк уже сполз задницей в кювет, брезгливо отвернув от лесовозов орудие, покорно ожидая, когда губернаторская колонна проползет мимо него.

Вертолет взмыл, качнулся и исчез за верхушками деревьев, почти не слышимый за ревом моторов танков и лесовозов.

А танки, пристроившись в хвост к лесовозам, поползли дальше, в сторону границы.

И так же неспешно, как танки тащились к китайской границе, автобус неторопливо греб по столичным пробкам к границе города, увозя Максима из логова иностранных новостей.

Максим съезжился на сиденье промозглого общественного транспорта и закрыл глаза. Он старался удержать в памяти фотографию с монитора лысины из корпункта ВВС.

И так же неумолимо, как растекались по столице пробки, журчала по городу и новость о происшествии. Она перетекала из уха в ухо, из мобилы в мобилу, из-под капюшона под капюшон, шелестела в форумах и блогах. Не то чтобы она кого-то сильно взволновала, но это наконец-то была новость, достойная обсуждения. Главная Новость. Как, например, главной новостью в офисе на все времена становится слух о романе босса с секретаршей. И все знали, что новость эта ничего не меняет, и тем приятнее было ее обсуждение. Но Максим не участвовал в этом журчании и шелесте. Он спешил домой к компу, ибо в нем была или могла быть дополнительная информация, новые дрова, которые он мог бы подбросить в костер своего любопытства. И пока остальные жадно протягивали руки к тлеющим углям происшествия, он собирался раскопечгарить свой костер так, чтобы согреться как следует.

Выпрыгнув из нутра автобуса, он впрыгнул в седло табуретки у компьютера и вышел в сеть.

Поиск похожих картинок по слову «самолет», по дате новости, по множеству других вариантов не выдал ничего похожего на картинку с монитора ВВС. Максим вопрошал комп обо всем, что летает, но безуспешно.

Ожидание

Когда ребята проснулись, дед колдовал над заваркой.

— Ну что же, ребятки, сейчас выпьем чайку.

— А что с поиском? — поинтересовался Борис.

— А с поиском все в порядке. Поиск прошел успешно. Но придется немножко подождать, пока появится один мой знакомый.

— Ты знаешь, где Президент? — удивился Борис.

— Да, — спокойно ответил Дед, — я даже знаю, как вы его спасете, но об этом чуть позже. Я хотел поговорить с вами о другом.

Ребята ошарашено молчали.

— Вы сказки-то давно читали? — весело поинтересовался Дед.

— Давно. У нас только Сергей любит сказки про шпионов, — нарочито весело, пытаясь сдержать прорывающееся через дрожь удивление, воскликнул Леша Константинов.

— Это не самые плохие сказки, — ответил Дед. Помолчал задумчиво. — И не самые страшные. Самые страшные сказки, как правило, и не сказки вовсе, а быль.

Легенды о крыльях

— Я, кстати, знал одного Константинова. Владимира. Летчика, — задумчиво, прикрыв глаза, произнес Дед, то ли просто так, то ли собираясь начать рассказ.

— Это мой дед, а откуда вы его знали? — отозвался Леша.

— Ну, во-первых, его знала вся страна: первый беспосадочный перелет через всю страну, первый беспосадочный перелет в Америку, но не экстремально, через северный полюс, а так, как летают сейчас все авиакомпании мира.

Дед сделал паузу.

— Когда война уже подходила к концу, меня вызвали из-за линии фронта прямо в ставку. В приемной, кроме меня, сидел летчик, лицо которого до войны было известно любому школьнику, — твой дед. Его привезли прямо из лагеря, что было видно несмотря, а может, как раз благодаря тому, что на нем была совершенно новая форма.

До того как оказаться в воспитательно-трудовом лагере, где оказывались в те времена все, кто не нравился соседу, сотруднику Службы или просто попал под разнарядку, этот летчик испытывал новые самолеты Страны и был всенародным любимцем. Потому и в лагерь попал по-тихому, без громкого освещения в газетах своей, по утверждению следователя, антигосударственной деятельности.

Летчики такого класса были ценными кадрами и, во избежание их случайной смерти на фронтах, их, как и многих других, сохраняли в стратегическом резерве — на лесоповалах и заполярных стройках. Многие, конечно, умирави, но некоторые выжили.

Ребята усмехнулись.

— Так вот. Вызвал нас, наконец, главнокомандующий и говорит: «Ты, лейтенант, — и показывает на меня, — покажешь ему, — тыкает пальцем в сторону Константинова, — где в этой скале засел враг и как его лучше там разбомбить. А если вдруг ты, — палец тыкает опять в меня, — ошибешься, то окажешься там, откуда приехал он, — главнокомандующий перевел дуло пальца с деда обратно на летчика. — Все ясно?». Главнокомандующий любил тыкать — это унижало окружающих и таким образом возвышало его над ними. Мы ответили: «Разрешите исполнять?» «Ра-азрешаю», ответил он с сильным акцентом, растягивая слово на первой гласной. И мы отправились бомбить.

— Успешно? — подал голос Вася.

— Во всяком случае, я в лагерь после этого не попал, А Володя вернулся из него навсегда и долго потом испытывал самолеты в Циолковском.

— А мой отец тоже самолетами занимался, — сказал Сергей Львов.

— Каким образом? — поинтересовался Дед.

— Когда я еще только родился, моему отцу поручили строить авиазавод в Хуторстане. На нем собирались выпускать большие лайнеры для межконтинентальных рейсов. Впрочем, сами эти самолеты тоже надо было еще придумать.

И вот, пока строился завод, а строился он в чистом поле, самолет надо было тоже создать. А как создать самолет, если между чертежами и производством должны быть еще испытания в аэродинамической трубе, а трубы, как и завода, нет?

Отец поговорил с испытателями, с конструкторами, и они решили, что прежде чем создавать большой самолет, они сделают маленькую летающую модель, что позволит проверить не только аэродинамику, но и управляемость не в теоретических условиях аэротрубы, а в условиях реального полета.

Через полгода прототип, или планер, или маленький самолет выехал из единственного ангара строящегося завода на только что построенную взлетную полосу для отработки рулежки.

И в этот день на завод приехала Госкомиссия. Финансисты отправились в бухгалтерию, сотрудники Служб сновали повсюду, залезали, мешали, вопрошали, кривили рот и сдвигали брови, а Начальник Комиссии, Председатель Правительства (завод был очень важен) и генералы всевозможных Служб нашли моего отца на аэродроме, возле первого опытного образца. Он разговаривал с пилотом.

Начальник Комиссии, взбешенный тем, что отец не встретил лично столь высокую Комиссию, подбежал к нему и потребовал немедленного отчета. Отец рассказал про строительство, которое шло со значительным опережением плана, но Начальник Комиссии был все равно недоволен.

— Но я не вижу полетов. Ездит тут по бетону якобы самолет... Вам выделили много денег, и я смотрю, вы ими хорошо попользовались. Брали на строительство деньги из зарплатных статей, а на зарплату из ГСМ. Истратили много, а результата нет. Это пахнет тюрьмой.

— Одну минуту, — сказал отец, — я только отдам распоряжение пилоту и вернусь к вам. У нас очень плотный график.

— У нас тоже, — взвизгнул Начальник, но отец уже шел к машине.

— Что у вас за разборки? — поинтересовался Саша Турюм, заводской летчик-испытатель, свешиваясь к отцу из кабины.

— Не сделали ничего, говорят... Деньги, говорят, не так тратили. А люди, по их мнению, наверно, в бараках жить должны, а дети рабочих на помойке играть. Не было же ничего — ни домов, ни производства, ни садика, ни площадок детских. Самолет, говорят, не летает. А как ему летать? За шесть месяцев — и завод, и поселок и самолет... Все остальные ОКБ по несколько лет самолет только строят, а наш уже ездит.

— А давай я коробочку сделаю? — заговорщески понизив голос, сказал Саша.

— Ты что, с ума сошел? Мы еще ни разу машину не поднимали, и с шасси проблема.

— Но если я не взлечу, тебя посадят.

— А если ты разобьешься — меня посадят тоже. И машины не будет.

— Но я приехал сюда летать, а если ты сядешь, то эта машина не взлетит никогда.

— А шасси?

— Я уже в кабине. Полоса для лайнера, а у меня крошка — начну заранее и буду прижиматься по миллиметру. Отойди и не мешай работать.

— Нет.

— Иди к комиссии, а то крылом ненароком задену.

— Ладно. Риски. Иначе действительно машину зарубят еще до полетов. Ни пуха.

— К черту.

Александр Турюм покатил к началу полосы, а отец направился в сторону гостей.

— Ты что творишь! — заорал Начальник Комиссии.

— Сейчас увидишь, — ответил отец сквозь зубы и отвернулся от красномордого начальника, глядя на готовящийся ко взлету самолет. — Не летает, говоришь?

— А сколько полетов уже сделано? — спокойно поинтересовался Председатель Правительства, до сих пор молча наблюдавший за истерикой Начальника Комиссии.

— Этот первый, — ответил отец.

— Ты что, о-уел! Это покушение! — заорал начальник и начал пятиться задом подальше от режущего самолета. Охранники бросились спасать Председателя Правительства, а сотрудники Службы — крутить руки отцу.

Председатель стряхнул с себя охрану и бросил в сторону схвативших отца: «Отпустить». Затем подошел поближе и тихо спросил:

— Взлетит?

— Должен, — ответил отец.

— И сядет?

— Обязательно.

— Ну посмотрим, — сказал Председатель.

Саша погладил штурвал, как в пастушьем своем детстве гладил холку лошади, прежде чем бросить ее вскачь, и начал разбег. Самолет, дрожа от непривычно высоких оборотов двигателя, предчувствуя и боясь того неизбежного, что должно было случиться, покатился по взлетной полосе к краю поля. Дрожь становилась все сильнее, скорость выше, пилот взглянул на приборы, прошептал «пора» и потянул штурвал на себя. И как лошадь чувствует приказ умелого седока, так и самолет, почувствовав всеми элеронами спокойную и уверенную руку пилота, оторвался от нагретого бетона, поднялся над сигнальными огнями и выровнялся над лесом, тянувшимся вдоль излучины реки, на которой стоял завод.

Саша и отец, один на земле, другой в воздухе, одновременно выдохнули.

Пилот убрал форсаж и накренил самолет вправо, ибо коробочка, о которой он говорил с отцом — это простейшее полетное задание — взлет, четыре поворота и посадка.

Пролетая над отцом и Председателем, одиноко стоявшими на аэродроме, ибо другие проверяющие, охранники и сотрудники Службы предпочли спрятаться, Саша накренил самолет, развернулся и пошел на посадку.

Как сапер миллиметр за миллиметром освобождает мину из-под земли, так микрон за микроном, плавно, убирал Саша газ и отпускал штурвал, снижая машину.

Шасси прикоснулись к бетону и бешено закрутились. Турюм сбросил газ еще на миллиметр и прижал машину сильнее к земле, увеличивая давление на грунт.

Самолет остановился возле ангара, подрагивая фюзеляжем от спадающего напряжения. К нему уже бежал отец и неспешно, как и полагается, двигался Председатель Правительства, пряча улыбку в отворот плаща.

— И как зовут эту машину? — спросил Председатель у отца.

— Пока никак, до этого руки еще не дошли.

— Ну тогда, Львов, назовем ее... — Председатель посмотрел на часы. — Сегодня 29 сентября. Значит звать ее будут Л-29. Две буквы, тебе, Львов, еще не по рангу, тем более, что вторая в твоей фамилии — мягкий знак.

Саша заглушил двигатель и выпрыгнул из кабины. Из-за угла ангара выполз Начальник Комиссии и прошипел в сторону отца:

— То, что он полетал, еще ничего не значит. Зачем нам этот самолет, если у нас есть МИГ?

— МИГи не могут сбить «Мираж», — весело крикнул пилот, нахально вклиниваясь в разговор.

— И эта не сможет, — язвительно выплюнул Начальник Комиссии.

— Сможет, — спокойно ответил отец.

— Когда? — спросил Председатель Правительства.

— Через 4 месяца.

— Тогда через полгода вы должны быть во Вьетнаме.

— Будем.

Л-29 сбил «Мираж» через шесть месяцев.

— Ты, прямо, мастер художественного свиста, — воскликнул Борис.

— Это почему же? — обиделся Сергей.

— Да потому, что нет такого самолета — Л-29.

— Есть, правда у чехов, — внес поправку Вася.

— Только не чехи его придумали, а мой отец, — упрямо сказал Сергей.

— Чем докажешь? — подцепив ногтем зуб, по-блатному прикинулся Леха.

— Доказать не докажу, а рассказать могу, — ответил Сергей.

— Ну, погнажи, — подначил Леша.

— На Л-29 стояли чешские двигатели. Просто к тому времени, как стало понятно, что быстрее построить летающую модель, чем построить полноценный стенд с аэротрубой для большого лайнера, ни на одном заводе нужных моторов не было, потому что и команды делать такие моторы еще никто не давал. Поэтому отец пошел на соседний моторный завод и взял двигатели из его музея, в котором непонятно зачем хранились несколько новехоньких, в масле, чешских авиадвигателей. Под эти моторы и начали проектировать планер, то есть сам самолет.

6000 человек, собранные со всей страны, работали на новом предприятии. Отец спал по 2 часа в сутки. Был построен поселок для рабочих. На детских площадках были вкопаны списанные авиационные шины для игр детей. И это, как ни странно, Комиссия сочла преступлением.

У того Л-29, который сделал отец, была изменяемая геометрия крыла, позволявшая машине летать в 3,5 раза быстрее скорости звука. У чешской же Л-29 скорость всего лишь в полтора раза больше скорости звука, ее, кстати, и поставляли дружественным режимам, — Сергей укоризненно взглянул на Василия.

— А я тут при чем? — изумился Вася.

— Самолет был настолько хорош, что сразу после Госиспытаний был принят на вооружение, а технология изготовления была так проста, что за первый же месяц серийного производства было сделано 100 машин.

В это время в стране, отягощенной непомерными военными расходами, стало голодно. В магазинах начались перебои с продуктами, и правительство, опасаясь голодных бунтов, запросило помощи за границей. Глава страны полетел за моря и океаны и попросил денег. И денег ему дали. Но взамен попросили о сущей малости — прекратить производство новейших систем вооружения. Список был довольно приличный. Начинался он авианосцем, новейшей ракетой для ПВО и двумя самолетами, одним из которых и был как раз Л-29.

Деньги были получены, строительство авианосца прекращено, ракета ликвидирована. Генеральный конструктор ракеты подхватил инфаркт и умер. Завод по производству Л-29 со всеми чертежами и потрохами был вывезен в Чехию. 100 самолетов Л-29, остававшиеся в Хуторстане, подогнали к ангару и взорвали. Но машины, хоть и не были бронированы, не хотели гореть. Созданные летать, они хотели в небо, а не в землю, поэтому керосин для их окончательного уничтожения подвозили цистернами. Сейчас там озеро. Если хочешь, могу показать где, — Сергей взглянул на Бориса.

— Ну, — протянул Борис, — это не доказательство.

— А я доказывать тебе не нанимался, — взорвался Сергей. — Не веришь, найди «чешскую» Л-29 и посмотри на маркировки деталей.

— Ну, ну, ну, вскипать должен чайник, разведчику сие не к лицу, — прервал Дед полемику курсантов. — То, что это был твой отец, я не знал, и это позор для моих седин. А то, что Сергей рассказал правду, за это я тебе, Борис, ручаюсь.

Ребята неловко замолчали. Тишина недоверия, превращающаяся в стыд за несправедливые подозрения, нарастала, и чтобы разогнать ее, Вася, отпив из кружки ароматный дедовский чай, сказал:

— А мой дед не летал и самолеты не строил. Он строил дома.

Дед Бориса одобрительно кивнул Васе, и тот продолжил.

— Давно, еще до войны, Главнокомандующий Страны решил построить Дворец в свою честь и поставить на Дворце свою статую. И должен был этот Дворец символизировать мощь Страны и лично Главнокомандующего, а посему должен он был быть высоченным, а статуя на крыше его быть больше античного Колосса.

А мой дед был архитектор и как-то раз на совещании у Главнокомандующего он заметил, что если статуя Главнокомандующего будет надлежащей высоты, то облака, учитывая частую пасмурную погоду в нашей Столице, будут ходить не над головой статуи Главнокомандующего, а как раз чуть ниже пряжки его ремня.

Рано утром за дедом пришли, и он вместе с бабушкой и моим будущим отцом, который тогда еще только начинал ползать, под конвоем уехали строить город Амурск. Жили они, правда, не в лагере, но Амурск в то время был не город, а небольшой поселок, набитый вертухаями и окруженный исправительно-трудовыми лагерями.

И была в поселке бурная река, и не было через эту речку моста, и была это большая проблема.

Много архитекторов, которым было поручено строить мост через реку, не справились с задачей, и их мосты, разбитые весенними ледоходами и летними наводнениями, лежали бетонными осколками по берегам реки, а сами зодчие валили лес под конвоем Службы и ночевали в окрестных лагерях.

Не то что деду нечего было терять, все же он жил в поселке и с семьей, а не один в лагере, но здравый смысл и архитектурная логика требовала усмирить речной поток прежде или одновременно с установкой бонов — опор будущего моста. И тогда дед сделал совершенно невозможное, о чем тут же полетели весточки кому надо в Столице, но почта была медленнее строительства, и дед уцелел.

А сделал он вот какое святотатство.

Он снял колючую проволоку со всех окрестных лагерей и крепко обмотал ею бетонные боны и сваи будущего моста, после чего опустил их в реку.

Поток яростно набросился на появившееся препятствие, обжигая бетон ледяными струями, плюясь в него илом и песком. И это погубило своенравную воду. Ее ярость мгновенно забила между колючкой и бетоном, и сваи намертво спаялись с дном реки.

И мост этот до сих пор стоит, между прочим.

— А что дед? — Спросил Борис

— А дед за своеволие был отправлен за полярный круг, строить порт. Заболел и умер, когда моему отцу было только 9 лет.

— Да, — крикнул Дед, — что-то вас, мальчики, не в ту степь заносит. Если так дальше пойдет, вылетите вы со Службы раньше, чем служить начнете. Впрочем, и у меня для вас история есть.

Когда я был значительно моложе вас, прогуливались мы с моим отцом по улицам Столицы. А Столица тогда другой была. Автомобили были редкостью, люди больше пешком ходили да на конных трамваях ездили. Некоторым приходилось часа два до работы пешком топать, не то что сейчас — сел в метро и порядок.

Ну вот, гуляли мы, гуляли, я отцу и говорю: «Папа, — говорю, — а кем ты хочешь, чтобы я стал?» А отец у меня, к слову, тоже архитектором был, как и твой отец, Василий.

И я очень гордился им, когда гулял по Столице и смотрел на построенные им дома — многие ведь до сих пор стоят. И хотел я, конечно, быть архитектором, как и мой отец.

И отец мне ответил:

— Вот смотри, видишь, на этой стороне улицы дворник сметает листву и окурки, видишь, как здесь чисто и опрятно, даже лавочки вдоль обочины и то не пыльные. А теперь посмотри на другую сторону — там работает другой дворник — вон он сидит на пивном ящике и курит в обнимку с метлой. На его стороне улицы листва уже впечаталась в асфальт, потому как он не подметал ее с прошлого дождя, скамейки все в грязи и в пыли, не говоря уже об окурках и бумажках. Так вот, я хочу, чтобы кем бы ты ни стал, хоть дворником, ты делал свою работу так, как ее делает дворник, подметающий нашу сторону улицы.

Так ответил мне мой отец и то же я скажу вам, ребята. Куда бы вас ни занесла судьба, где бы вы ни служили, что бы ни делали, делайте это так, как делали ваши отцы и деды, чтобы никогда вам не было совестно за плохо выполненную работу.

А теперь по чайку и вернемся к теме спасения Президента и того, что в жизни бывает, а чего нет, поскольку похищают Президентов только в Американском кино и то ненадолго и весьма понарошку.

Кстати, пора бы вам размять ножки и принести из сарая дров.

Курсанты шумно встали и, подталкивая друг друга, гуськом вышли за Борисом выполнять поручение.

Роберт

Роберт Гордон, вице-президент Мирового банка, вошел в кабинет Петра Васильевича, не задерживаясь ни секунды в приемной.

Петр Васильевич, один из самых богатых людей страны, владелец заводов, самолетов и пароходов, встал навстречу Роберту и грузно поплыл ему навстречу, раскрывая зубы в оскале улыбки, приветственно распахивая щупальца, поскольку очень многие из его заводов и пароходов были кредитованы Мировым банком и подходил срок очередного, весьма ощутимого даже для Петра Васильевича, платежа.

— Роберт! Какими судьбами! Я очень рад вас видеть! Чем я могу вам помочь!

Роберт крепко пожал вялое щупальце Петра Васильевича.

— Катенька! Кофе, чай, фрукты! Меня ни для кого нет! — воскликнул Петр Васильевич в селектор. — Присаживайтесь, Роберт. Я вас не видел со времен саммита. Что заставило вас посетить мой скромный кабинет?

Роберт расположился в кресле и спокойно ждал окончания тирад Петра Васильевича.

— А вот и Катенька! Вам чай, кофе, Роберт? Может, что покрепче? — Петр Васильевич подошел к бару.

— Нет, спасибо, Петр, — с легким акцентом ответил Роберт, — чая вполне достаточно. Спасибо, Катя, я справлюсь сам, — Роберт принял у Кати поднос.

— Как вам будет угодно, — воскликнул Петр Васильевич. — Катя, вы свободны, — Петр сел в кресло наискосок от Роберта.

— Мне, Петр Васильевич, нужна ваша помощь по личному делу, — начал Роберт, наливая чай себе и вопросительно покачивая носиком чайника в направлении чашки Петра.

— Да, спасибо, — Петр Васильевич пододвинул чашку поближе к Роберту.

— Мне необходимо срочно отправить кое-какой груз за пределы страны. Груз большой и в мой самолет не влезет. Я хотел попросить вас помочь мне с транспортировкой, тем более, что для ваших машин все воздушные коридоры всегда открыты и разрешения на маршрут ждать не приходится, а дело у меня срочное.

— Вы мне льстите, Роберт, вовсе не все.

— Тот, который мне нужен — открыт.

— А что за маршрут, что за груз?

— Вертолет. А маршрута на полные баки. Больше сказать не могу.

— Большой вертолет?

— Не очень. Он влезет в ту опытную машину, которую вы недавно купили у Авиаконсорциума.

— Роберт, вы говорите загадками и просите машину, которая уже загружена и готова выполнить коммерческий рейс. Отмена будет мне стоить очень дорого. Вы же знаете, какие санкции выставляет запад за срыв поставок.

— Ну не совсем запад, и не совсем санкции, — возразил Роберт, — я понимаю ваши трудности, но это моя личная и настойчивая просьба.

— Роберт, как вы себе это представляете? Я посылаю партнеров, отдаю вам самолет, открываю коридоры, и он летит неизвестно куда?!

— Вы правильно меня поняли, Петр Васильевич. Именно об этом я вас и прошу.

— Но это невозможно, сейчас на этом борту сверхважный товар!

— Я знаю. Я в курсе вашего груза, но моя перевозка, поверьте, важнее, — ответил Роберт и положил перед Петром листок бумаги. Петр Васильевич посмотрел на него и похолодел.

В ящике его стола, который был вовсе и не стол, и не ящик, а хитроумный сейф, лежал точно такой же листок. И листок этот, ввиду его важности, мог быть только в одном экземпляре и только в его, Петра, кармане. Но вот только что Роберт, как заправский фокусник, вынул этот лист из кармана своего. Петр Васильевич хотел подскочить, подбежать к столу, заглянуть в ящик... но какой в этом был смысл... то, что знал он один, теперь, очевидно, знал и Роберт.

На листочке была табличка доходов и расходов авиакомпании. Когда-то это была авиакомпания Петра Васильевича. Она и сейчас была как бы его. Не многие, но в том числе и Роберт, знали, что 70% акций компании за последние несколько лет перешли к Вице-премьеру. И тот отчет о прибыли, который был у Вице, значительно отличался от отчета, который сейчас лежал на столе, между чашками с крепким английским чаем.

Роберт поднял свою чашку, втянул аромат чая ноздрями.

— Великолепный чай у вас, Петр.

Петр Васильевич телепортировал свое ватное тело за стол и прижал голову к телефонной трубке.

— Разгружайте 76-ю.

Трубка что-то возразила.

— Чтоб через полчаса борт был чист и заправлен под завязку! — взвизгнул Петр.

Устало глянул на Роберта и спросил: «Куда коридор?».

— Сначала Гималаи, — ответил Роберт.

— Гималаи, — эхом повторил Петр в трубку.

— Спасибо, Петр Васильевич, закажи нам пропуски, — Роберт встал и положил перед Петром второй листок, — я знаю, где найти борт.

На аэродроме полным ходом шла разгрузка. Из задней, грузовой, части огромного самолета вытекла толпа невысоких мужчин и женщин, что-то испуганно чирикавших и зябко прижимавшихся друг к другу, сливаясь в амебообразное пятно. Народу было много, и их похожие на шляпки грибов большие соломенные шляпы смотрелись совершенно неуместно на огромном плацу аэродрома. Командующий разгрузкой заметил это, что-то проорал своим помощникам, тыкая рукой в направлении ангара. Грузчики набросились на толпу, как собаки по приказу пастуха набрасываются на отару овец, и погнали ее в сторону ангара. А куда еще было девать три сотни нелегалов, как не в ангар? Впрочем, груз есть груз, а грузу надлежит быть на складе, а не в гостинице.

Роберт осмотрел самолет и пошел к вертолету Службы Спасения, арендованному им на ближайшую неделю. Забрался в кресло пилота, запустил двигатели, переговорил с диспетчером, поднял машину в воздух и взял курс на деревню, где его со вчерашнего вечера ожидал старый приятель и бывший безусловный противник, Андрей Иванович, дед Бориса.

Встреча

Андрей и Роберт познакомились очень давно. В то время Андрей уже был кадровым разведчиком и, будучи давно заброшенным на родину Роберта, сплел свою разведывательную паутину так крепко, что легко пробирался к любым нужным источникам.

Под влиянием открытий психиатров, изобретения полиграфа, моды на предсказателей и провидцев разведки многих стран были заняты разработкой психотронного оружия, а также различными методами воздействия на психику, которые могли пригодиться и при вербовке, и при допросах, и для деморализации противника.

Так Андрей оказался в психушке в качестве британского доцента-психиатра французского происхождения, командированного в клинику из очень престижного университета.

Обычный рабочий понедельник начался не совсем обычно. Доцента Андре сразу вызвали на ковер.

— Тебя вызывает босс, — приветствовали его коллеги.

Бросив сумку в ординаторской, Андре прошел в кабинет шефа.

— Доброе утро, — сказал профессор, протягивая доценту тоненькую историю болезни.

— Это твой новый пациент. Его прислали на экспертизу. Он священник. Поджег свою церковь. Сгорела дотла. Церковь считает, что он сошел с ума, полиция обвиняет его в поджоге, я поговорил с ним, но мне кажется, что он совершенно здоров. Он признает, что поджег церковь. Ни о каких голосах и божественных явлениях даже не упоминает. Но Церковь уверена в его сумасшествии. Пообщайся с ним. Может, что прояснится. Все равно нужны несколько подписей.

Андре взял историю болезни и пошел в палату.

Священник сидел на кровати, совершенно спокойный.

— Доброе утро, — произнес он, едва врач открыл дверь.

— Здравствуйте. Мне нужно задать вам несколько вопросов и провести ряд тестов. Это займет некоторое время.

— Времени у нас в избытке, — ответил священник, и они начали.

Через три часа все исследования были закончены, и было очевидно, что перед Андре сидел совершенно здоровый человек без малейших психических отклонений.

Доцент отложил тесты и историю болезни в сторону и спросил его:

— Зачем вы подожгли церковь?

Священник долго смотрел на него добрыми и спокойными глазами, а потом ответил:

— Вы, должно быть, только что решали, не сумасшедший ли я... да я и сам подумал бы то же самое о человеке, тем более священнике, некоторое время назад, если бы оказался на вашем месте.

Но я не сумасшедший. В этом-то и проблема.

Вам будет довольно трудно поверить в мой рассказ, но я попробую...

Я всю жизнь искал истину. Сначала в университете, потом в бизнесе, потом в семинарии. Я думал, что истина в Боге. Так и есть, конечно. Я пытался найти эту истину в Церкви. А нашел там совсем другое. И это другое привело к тому, что я сжег свою церковь.

Я не потерял веру и не перестал быть священнослужителем. Но если служить Богу, а, значит, противостоять Дьяволу, то Церковь необходимо сжечь. И не только мою. Все.

Андре был удивлен, и это отразилось на его лице.

— Я объясню.

Если Бог един. Если он един для всех людей, населяющих землю. А это так — ни одна религия не говорит, что Бог не создавал человечество. Все говорят, что Бог создал этот мир. А как тогда Богов может быть много, если мир один? И Он создал мир, чтобы все жили в мире.

Но что происходит? Мира нет. Почему? Потому что почему-то на земле вместо одной религии несколько десятков религий. И все они конфликтуют. Вместо того, чтобы мирить людей, стравливают, вместо того, чтобы накормить голодных, строят золоченые храмы и отбирают последние гроши у неимущих голодных бабушек, молящихся в этих золоченых дворцах.

Разве Богу нужно золото? На что ему золото? Нужны несчастные? Вообще, какое ему дело до всех церквей и почитаний? У него что, комплекс неполноценности? Уверяю вас, такого комплекса у него нет.

Значит... храм не Дом господень. Это вывод первый.

Раз религии приводят не к миру, а к войнам, значит... ко злу...

Бог создавал этот мир для мира. Что противоположно миру? Что противоположно Богу?

Дьявол.

А Ветхий Завет — книга, положенная в основу трех религий — иудаизма, мусульманства и христианства... разве это святая книга, разве это книга мира? Ведь столько жестокостей, обмана и подлостей, столько крови, сколько пролили в этой книге те, кого почитают святыми, не пролили ни Атиллы, ни Чингис-хан. Так кто тогда написал эту священную книгу? Святой дух или Люцифер?

Кому нужна религия? Кто придумал много религий, заставил людей настроить церквей? Кому выгодны религиозная ненависть и войны? А точнее, кому выгодно зло?

Сатане.

Вы находите нарушение логики, элементы бреда? И прочие симптомы, которыми занимается ваша профессия?

Андре помотал головой.

— Тогда я продолжу. Если церковь не Дом господень, то людям она особенно не нужна. Она ничего им не дает. Только отбирает — время, возможность самостоятельно мыслить и сомневаться, деньги, наконец...

Если религии приводят к войне, то чей дом — храм?

Андре молчал. Логика священника повергла его не то чтобы в ужас, но в ступор. Слишком все прозрачно и просто вставало на свои места.

— Значит, — священник помедлил, — церковь, храм, религия... дом дьявола?

Или я сошел с ума?

Врач покачал головой.

— Никаких симптомов, — сказал он, нервно улыбнувшись.

— Поэтому я и поджег свою церковь.

Для того, чтобы разговаривать с Богом, не нужны ни иконы, ни церковь, ни стены, ни молитвы. Вполне достаточно доброго сердца и незашоренного ума.

У каждого есть своя церковь, и только он сам может ее поджечь или построить.

Но Дьявола нельзя увидеть, как и Бога. Они находятся где-то за пределами возможности наших глаз. И знаете, что я думаю?.. Если Дьявол мгновенно перемещается, если он так же вездесущ, как и Бог, то, возможно, он владеет тем, что фантасты именуют телепортацией. А церкви — это что-то вроде маяков или мест для остановки. Не зря же, насаждая огнем и мечом, уничтожая еретиков и язычников, сея зло и смерть, религии на каждом шагу возводят храмы, хотя молиться Богу можно вполне спокойно и дома, и на

улице, и не нужны Богу слова вызубренных молитв. Я думаю, что Дьяволу вполне удобно в церкви. Что это что-то вроде его прибежища.

Конечно, это сильно отдает мистикой и фантастикой... Но разве теория относительности не кажется фантастикой и ерундой не физику?

А сколько доказательств уже собрано, что она верна.

Подождем. Откроют и телепортацию, научатся видеть и Бога и Дьявола. Но это к делу пока не относится...

Зло этого мира вынуждает слабых людей искать защиты там, где повешена табличка «Бог», точнее, даже не защиты, а участия, спокойствия, доброты. И они идут в храм, там их встречает обычный человек, готовый их выслушать, принять участие, дать совет — священник. Но если бы в злом мире эти слабые люди нашли отзывчивую душу, то разве пошли бы они в церковь?

Злые же люди, не творящие добра, идут в церковь и покупают себе индульгенции пожертвованиями... Но мы уже выяснили, что жертвования не нужны Богу, он раздал бы их нуждающимся, а вот Дьяволу... нужны церкви для телепортации, нужны жертвования, богатство, будящее зависть в одних, гордыню в других и порождающих в итоге зло.

Сильным и добрым людям незачем ходить в храм. Им не нужно специальное место для совершения добра. Они творят его везде. Им не нужны места для молитвы: вся их жизнь — молитва. Им не нужно служебное участие священника — они найдут его, делая других на мгновения счастливыми.

Нам кажется, что Бог и Дьявол неразлучны, как свет и тьма, что они дополняют друг друга как плюс и минус, инь и ян. Но это не так. Ничего не случится с этим миром, если из него исчезнет Дьявол, исчезнет зло. Мир останется, и Земля, и человечество. Правда, оно станет совсем другим и будет отличаться от сегодняшнего больше, чем мы отличаемся от людей, живших в пещерах. Больше, чем небоскреб отличается от лачуги.

Это, конечно, очень долгий путь. И опасный. Если на этом пути возникнет насилие, то есть зло, то значит, Дьявол победил... Значит, опять надо начинать весь путь заново. В этом самое большое искушение и самая большая хитрость Дьявола — умение любую благую мысль исказить, перевернуть, поставить в услужение себе.

Вот Иисус — обычный человек...

Андре удивленно поднял брови.

— Ересь, конечно, говоря по-церковному. Но, тем не менее, Иисус — обычный человек, уставший от зла и противившийся злу древнего мира. Он, как смог, выдумал свою религию, свою философию, а скорее, изобрел свою систему взглядов и начал менять мир. Но Дьявол успел все-таки его искушить... Иисус стал называть себя сыном бога, царем. Не стал возражать, когда его так называли ученики. Первое было неправдой, второе — причисление к клану властных, а значит жестоких, а значит злых, а значит — служителей дьявола. Вот почему его распяли. Потому что этот великий человек, знавший, как избавить мир от Дьявола и зла, немного оступился, пытаясь быть более понятным современникам.

Искусил Христа все-таки Дьявол. А потом и просто поставил его учение себе на услужение. Учинил крестовые походы, инквизицию, насильственное крещение. Понастроил храмов. Да и до сих пор... попробуйте-ка с ересью войти к священнослужителям. Не сожгут, конечно, но добрых слов вы не услышите.

И как теперь, сквозь каноны и толкования, сквозь софистику и демагогию церкви, добраться до того, что на самом деле говорил Иисус?

— Но где же Бог? Где его сила и власть? Где его мощь? Что же, Дьявол всесилен, а Бог — бессилен? — спросил озадаченно Андре.

— Мы же только убедились, что власть — это зло. Это насилие. Бог может действовать только убеждением. Он может показывать что-то, что люди или не замечают,

или толкуют иначе, или... И всегда есть Дьявол, искушающий их, не дающий правильно понять знаки Бога.

Впрочем, да. Нет у Бога власти, так как это инструмент насилия — инструмент Дьявола. У Бога другие орудия — авторитет, убеждение, терпеливое обучение. И... вода камень точит.

Несмотря на то, что Дьявол настроил храмов и границ, навывдумывал религий и государств, навесил шоры, Бог, тем не менее, все равно потихоньку вытесняет его из этого мира. «Минус» от Дьявола становится все меньше.

Впрочем, я неправ. Не Бог это делает. Это делают люди. Они ошущью, в дьявольской темноте устройства современного мира, постепенно выбираются к свету. Рано или поздно это наступит. Дьявол обречен. Но это произойдет не так скоро. Скоро делаются только злые дела. Скорым бывает лишь насилие. А как только свершается насилие, люди оказываются дальше от света.

Когда человечество дойдет до конца мрака... Это будет очень интересное зрелище. Правда, трудно будет его оценить. Ибо, двигаясь мелкими шажками, человечество дойдет до света настолько плавно, что само не заметит этого. Бог — не нянька. Он учитель. Он терпеливо показывает путь, но ученики все время ошибаются и отступают. Бог терпеливо ждет. Он знает, что нельзя розгами вбить знание, а подзатыльниками добро. Но этот путь, хоть и долог, очень долог, но неизбежно закончится. Каждый раз, когда ученики понимают крупицу истины, Дьявол теряет точку опоры. Ему, как Архимеду, нужна точка для приложения силы. Ведь невозможно творить зло, не опираясь. Нельзя разрушить стену там, где ее нет. Нельзя ударить, не оттолкнувшись.

Если непонятно, я попробую объяснить на примере истории.

Некогда Дьявол одерживал верх, и человечество придумало государства. А что такое государство — это насилие, несвобода, границы. Это законы и право на смерть. Но неуловимо для Дьявола Бог стал показывать человечеству лишние детали. И вот у Дьявола из-под ног стали ускользать его любимые атрибуты — слепота, насилие, рамки.

С каждым веком право государства на насилие над своим народом или над другими людьми становится меньше. Люди выдумали демократию и ООН. Люди отменяют смертную казнь. Дьявол пытается придумать очередную провокацию, а люди не поддаются и все равно идут своей дорогой. Вот уже и границы — любимое детище Дьявола, позволяющее ему ссорить людей, отменили почти на целом континенте — люди придумали ЕЭС и Шенген. Они, конечно, совсем не думали ни о Боге, ни о Дьяволе, отменяя смертную казнь или выдумывая ЕЭС. Очень часто они объясняли свои поступки тем, что так станет жить богаче, удобнее... Но суть от этого не менялась. Каждый раз насилия становилось все меньше и меньше. И скрытого, в виде границ, и явного, в виде смертей. Дьявол думал, что за богатством последует насилие, как это и бывало множество веков... А оно не последовало.

Ну, на самом деле, что это за государство, если у него нет границ. Это уже просто общество свободных людей, которые могут легко покинуть место, где их будут подвергать злу и насилию, и перебраться в другое.

Власть становится все менее властной и жестокой, способы управления все горизонтальнее — люди выдумали демократию и все время улучшают ее механизм, лишая власть власти. Лишая власть силы, зла.

Ну и последнее, что придумало человечество, то, что повергло Дьявола и Церковь в глубокую, как у вас, психиатров, говорят, депрессию — это Интернет.

— Как же так? Ведь Церковь говорит, что Интернет от Дьявола?

— Ну да, а Церковь у нас от кого? От Бога?

Интернет — это прообраз управления будущего — горизонтального управления. Лишенного насилия и принуждения, основывающегося только на убеждении, выгоде,

пользе. Лишенного границ, государств. Поэтому он так и бесит и Церковь, и государства, в основе которых лежит абсолютизм и насилие.

Но все, поздно, проморгали. Дьявол остался с носом. А как он надеялся, что всякие порносайты и тому подобное в сети увеличит количество насилия и зла в мире.

Люди совершенно спокойно могут обойтись без государств и прочих паразитических надстроек. И если кто-то говорит тебе, что прочнее всего пирамида государства, с людьми внизу и правителем наверху, то скажи им, что это ложь. Самое крепкое здание — это твой домик. Абсолютно горизонтальный. В который ты пускаешь своих друзей и не пускаешь злых людей. В котором тебе уютно, в котором ты никого не давишь и никто не давит тебя. А пирамиды... Сколько зла принесли пирамиды? Каждый, кто был у подножия, хотел забраться наверх, отпихивая и сталкивая соседа. А потом тех, кто достигал вершины, сдувал ветер. И он катился кубарем вниз к стоящим и стонущим, страдающим у основания пирамиды своим бывшим подданным, и они били его, вымещая свои комплексы, унижения и обиду.

Так что пирамидальные здания, пирамидальные системы — это что-то вроде аттракциона для Дьявола — колеса зла. А вместо белки в этом колесе — люди.

Через пару дней Андре позвонили и сказали, что священник исчез, сбежал, объявлен в розыск, и что доцента вызывает следователь. Следователь, ибо он был не обычным полицейским, а специально прикомандированным к клинике сотрудником разведуправления, дважды допрашивал Андре на детекторе лжи, но так и не смог его уличить. Прощаясь с неуличенным подозреваемым, следователь Роберт Гордон сказал доценту Андре:

— Андре, я знаю, что побег священнику устроили вы. И дело даже не в том, что я не могу этого доказать, а дело в том, что, возможно, я поступил бы так же.

— Возможно, вы были бы правы, мистер Гордон, — ответил Андрей Иванович и пожал протянутую ему руку следователя.

Так Дед познакомился с Робертом.

Дед вспомнил эту встречу и это рукопожатие, и ему захотелось еще немного поговорить с ребятами не о задании, которое он уже просчитал и ждал только вертолет Роберта, чтобы курсанты могли его выполнить, а о другом, о чем долго думал, вернувшись на Родину и запершись от мира в деревне предков.

Ребята вернулись, и дед стал подкладывать в печку дрова по одной ему известной методике, отдававшей шаманизмом.

— А скажите мне, ребятки, есть ли Бог? — огорошил ни в чем не повинных курсантов Дед.

— Нет, — ответили они нескладным хором (кто насмешливо, кто удивленно, кто по-военному отрывисто).

— А докажите, — ехидно заметил Дед, и курсанты пустились в многословные, известные любому атеисту доказательства про изученность земли, моря, неба и космоса, о научном объяснении церковных чудес и фокусов, о том, что если бы Бог был, его давно бы отыскали.

— А его искали? — не менее ехидно спросил Дед.

— А как же... — уверенно начал Борис, но запнулся.

— Что-то я не помню ни одного ученого, который искал бы Бога, — сказал Дед. — Кварки искали, атомы искали, античастицы искали, даже черные дыры искали, а вот чтобы Бога искали, я не припомню.

А скажите-ка мне. Вот если вы не знаете, есть Африка, положим, или нет, если вы не будете ее искать и до вас ее никто искать не будет, то на картах ее тоже не будет. Так? Но она же есть.

А если мы не будем искать Президента, то как мы сможем утверждать, что он там, где он есть, а в остальных местах его нет?

— Ты хочешь сказать, что Бог есть?

— Я хочу сказать, что все те, кто утверждает, что его нет, даже не пытались его искать, они поступают ровно так же, как те, кто сжигал на кострах тех астрономов, которые утверждали, что земля круглая, в то время как попы считали, что она плоская и не утруждали себя поиском подтверждений этому.

— То есть Бога нет?

— Опять неверная постановка вопроса. Это постановка вопроса не ученого, а церковника или атеиста. Верно должен звучать вопрос: были ли предприняты человечеством поиски Бога, были ли они проведены в полном объеме и каков их результат. А на все эти вопросы ответ есть только один — нет. Таким образом, не существует доказательств ни того, ни другого. Вопрос не изучен и ответа нет.

— Ну как же так? В религиях множество доказательств, и у священников куча фактов того, что Бог есть и вершит свои дела.

— Простите меня, но это не доказательства, а подтасовка фактов, нужная церкви исключительно для управления паствой, для удержания людей в рамках догм, жонглируя которыми, можно управлять людьми, наживаться, устраивать костры инквизиции и крестовые походы, посылать смертников, опоясанных взрывчаткой, на уничтожение и устрашение неверных.

Церковь, на мой взгляд, одна из самых древних Служб. Самый древний, разветвленный и хитроумный полицейский институт. А религия — не более чем способ толкования закона так, как это выгодно в данный момент времени данному полицейскому.

— А мы курсанты-священники, надо полагать, — вставил Борис.

— Возможно, — ответил Дед и отвернулся колдовать над печкой.

В это время за окном послышался рокот вертолета, и курсанты бросились к окну.

— Дед, там вертолет Службы Спасения, — обернулся Борис.

— Это к нам, ставь чайник и разогревай обед, — ответил Дед и пошел надевать тулуп.

Прильнув к окну, курсанты увидели, как из вертолета, не дожидаясь, пока лопасти перестанут лупить воздух, гибко выпрыгнул пожилой очень дорого одетый человек и поспешил навстречу широко шагающему в распахнутом тулупе, развевающемуся на ветру, как бурка кавалериста, Деду. Гость и хозяин крепко поздоровались, до боли стиснув запястья друг друга, и пошли в сторону дома.

Предложение

— Роберт Гордон, — представил Дед, — будущее нашей славной Службы: Борис, Василий, Сергей, Алексей.

Обменялись рукопожатиями.

— Все готово, Роберт, — сказал Дед, не утверждая, но и не вопрошая.

— Конечно, Андрей Иванович, — произнес Гордон с легким акцентом.

— Я про обед, Роберт, — лукаво усмехнулся Дед, — все на столе, присаживайся.

— У вас необычный акцент, — сказал Борис Роберту.

— Я литовец, Робертас, но по-вашему — Роберт.

— Как Де Ниро, — усмехнулся Дед.

— Да, как Де Ниро, — посмеиваясь уголками глаз, ответил Гордон.

Сели обедать.

— Роберт, — вопросительно поднял голову Дед, когда обед уже заканчивался, — а давай проверим сих курсантов на профпригодность, а то как мы их отправим Президента спасать?

— Как прикажете, Андрей Иванович, — учтиво откликнулся Гордон.

Дед достал ноутбук, выудил из-под обеденного стола витую пару, воткнул в тело компьютера.

— Задание первое — включить аппарат и выйти в Интернет.

— Это, наверно, ко мне, — откликнулся Вася и развернул монитор к себе.

— Да тут паролей... — проворчал он через несколько минут...

— На то тебе и голова, — парировал Дед.

— А вам, курсантики, задание иное, — Дед выложил перед оставшейся троицей фотографии, распечатанные им, пока курсанты спали, — колдуйте, а мы с Робертом уединимся для дегустации трофейного, — Дед достал с полки бутылку. — Идем, — кивнул он Роберту, и они вышли.

— За что пьем? — осведомился Роберт, когда они расселись в низкие кресла около старого, почерневшего от времени, кривоногого журнального столика, давно сменившего свою читальную специализацию на алкогольно-закусочную и потому покрытого колечками отпечатков стаканов и подтеками пролитого алгоголя.

— За успех совместной операции наших Служб, — поднял бокал Дед.

— Я не сомневаюсь в первом, но сомневаюсь во втором, — задумчиво произнес Роберт, разглядывая на просвет дедовский самогон.

— Поясни.

— Президента мы спасем и доставим. И даже замечательно доставим, даже если нам захотят помешать, а вот твоих ребят, боюсь, после спасения ждут одни неприятности.

Дед помолчал. Поставил стакан, подлил себе и Роберту, произнес:

— Есть предложения?

— Есть, — ответил Роберт и вновь начал изучать прозрачную жидкость на просвет.

— Ты не изучай, а пей. Это тебе не коньяк. Это пьют и греются, а не нюхают и смакуют.

Роберт выпил.

— Знаешь, у нас считается, что Флорида — штат пенсионеров. Все пенсионеры, сбережения которых позволяют переезд, на пенсии отправляются в Майами и греются там на солнышке. А летом к ним приезжают внуки, и они неделями пропадают в Дисней-ленде.

— Борис староват для Дисней-ленда, — буркнул Дед.

— Тут ты прав. Но вряд ли ты сомневаешься в том, что если до сих пор Премьер не сказал о происшествии ни слова, он скажет о нем в будущем. А если так, то ни происшествия, ни его последствий не было. А значит, не может быть и спасителей, тем более что неизвестно, что может прийти в голову четырем молодым и горячим курсантам. Ты знаешь, как это делается, не хуже меня.

Дед молчал.

— Андрей, я готов предложить тебе и твоим ребятам защиту, но я не могу защищать тебя на твоей территории. На своей — могу.

— У них есть Родина, и они обещали ей служить.

— Я сожалею, Андрей, если буду резок, но Родины, которой служил ты, уже нет, а Родины, которая готова была бы достойно принять службу твоего внука, еще нет. Принять, заметь, а не похоронить в автокатастрофе.

Роберт посмотрел на Деда. Он был прав. И он был жесток. Он уважал Деда, но именно это не давало ему права врать там, где он мог быть честным.

Дед поежился, ссутулился, и чтобы скрыть это, повернулся за бутылкой и побулькал Роберту и себе.

Однажды, в Анголе, Деду уже пришлось выбирать между Родиной и родственником. Между Родиной и сыном.

В Анголе были алмазы, а алмазы из Африки гораздо лучше золота с Аляски. В Анголе правил Вождь, который платил алмазами за контрабандные М-16 из Америки и этими винтовками хорошо подпирали свой трон, на который постоянно посягали и враги, и друзья. Деду поручили выдернуть ножку у трона и помочь врагам Вождя занять освободившееся на троне место в обмен на половину добываемых алмазов.

Враги были согласны, и Дед, используя свою американскую легенду, устроился к Вождю консультантом по использованию винтовок и прочего железа, а проще — военным советником.

Надо сказать, что Вождь был большой оригинал, и одним из его хобби было людоедство. Обычно он ел врагов, но иногда не брезговал и друзьями, если повар был уверен в их съедобности. Деду, кроме основной работы, приходилось иногда участвовать в людоедском пиршестве, где на первое подавали суп, а на второе шашлык или жаркое из человечины.

К врагам же людоеда Родиной был отправлен отец Бориса. Его задачей было собрать разрозненные отряды врагов Вождя в некое подобие дееспособной армии повстанцев.

Несмотря на успешную конкуренцию отечественного стрелкового оружия с М-16, война шла с переменным успехом. И дело было вовсе не в недостатке навыков у повстанцев, а в их склонности к зачисткам захваченных деревень, судам над «приспешниками» Вождя и публичным казням, переходящим в праздничную попойку, как раз в разгар которой на захваченную деревню и нападали войска Вождя.

Некоторых врагов Вождя со временем начала раздражать деятельность отца Бориса, поскольку он выказывал больше уважения командирам сражающихся отрядов, чем командирам расстреливающих. И однажды на тропе, контролируемой повстанцами, его встретили солдаты Вождя.

О поимке советника повстанцев сразу было доложено Вождю, и он лично провел первый допрос отца Бориса. После этого допроса, не принесшего, впрочем, Вождю никаких результатов, отец был уволочен в клетку, поскольку ходить на перебитых ногах он уже не мог, а утомленный Вождь отправился отдыхать, но по дороге встретил своего военного советника и похвастал ему поимкой советника вражеского.

У Деда был выбор. Он мог вытащить отца Бориса и бежать, плюнув на алмазы, так необходимые его Родине, или остаться, чтобы алмазы для Родины, несмотря ни на что, добыть.

Дед выбрал Родину. А на следующий день разъяренный Вождь узнал, что его пленник скончался, так ничего и не рассказав.

Вождь вызвал повара и приказал приготовить из врага жаркое. Повар не посмел перечить, хотя и чувствовал неладное.

На ужин должны были явиться все командиры и все правительство. Вождь рвал жаркое зубами, брызгая на сидящих вокруг соусом и слюной, как гиена остервенело рвет труп, завидуя льву, убившему добычу в честном бою.

Дед пытался не есть, но это было невозможно.

Ночью деда рвало. Рвало много часов, рвало, когда уже в желудке ничего не осталось и казалось, что сам желудок хочет выпрыгнуть изо рта, чувствуя вину за съеденное.

Утром Вождь умер, а через неделю повстанцы захватили власть в стране.

Дед посидел только в самолете, увозящем его на Родину. Вошел в самолет брюнетом, а вышел совершенно седым.

И выходя из самолета, Дед выходил из Службы, прямо в аэропорту написав рапорт и отдав его встречающему майору.

Пару раз его пытались позвать обратно, но, узнавая заранее о визите гостей, Дед напивался до такой степени, что визитеры возвращались обратно с рекомендацией не восстанавливать бывшего полковника на Службе.

— Что ты предлагаешь? — спросил Дед Роберта, вынырнув из своих воспоминаний.

— Я вывезу вас пятерых в Майами, поживете в моем доме — я уже прикупил себе, для пенсии, — окнами на океан. Освойтесь. Я похлопочу с документами, выйдем ребятам стипендию — пойдут учиться. Ты, если хочешь, конечно, можешь консультировать наших аналитиков из отдела глобальной политики. Это не шпионский отдел. Они заняты исключительно тем, что пытаются уберечь мир от очередного идиота, который хочет его взорвать.

— Я знаю.

— И что ты решил?

— Это было бы предательство, если бы было что предавать.

— Предательством было бы подставить ребят под автокатастрофу.

— Хорошо. Договорились. Еще по дозе?

Роберт разлил остатки самогона.

— Может, пора к курсантам?

— Пока рано. Если бы отгадали, Борис бы за нами пришел.

Дед поднялся и вышел на кухню за новой дозой алкоголя, не забыв на обратном пути прихватить и закуску.

Квантократия

— Знаешь, о чем я последнее время размышляю?

— Нет, Андрей, о чем?

— Все виды управления, все социально-правовые формации постепенно сменяют друг друга. Феодализм, например, капитализм, монархия, демократия. Ну вот допустим, что демократия — это наивысшая на данный момент степень развития общества. А дальше что? Ведь Черчилль давным-давно уже сказал, что демократия — это власть серости, и ее можно было бы считать плохим способом правления, но лучше до сих пор никто не придумал.

— Ох, Андрей, мне надо выйти сначала на пенсию, чтобы участвовать в таком диспуте. Знаешь, сколько совокупно должны нашему банку ваши магнаты и правительство?

— Не знаю и знать особо не хочу. Ты лучше скажи, сильно ли ты подставился, доставая для ребят самолет?

— Напротив, самолет был очень кстати. Теперь я уверен, что Петр Васильевич, которого ты прекрасно знаешь и который одолжил мне самолет, вернет свои долги банку точно в срок.

— Хороший у тебя компромат, Роберт.

— Не жалуюсь.

— А вертолет почему Службы Спасения? У тебя же свой есть.

— Есть-та он есть, да вот кто же ему летать-то дать, — пародируя анекдот про льва в зоопарке, ответил Роберт, — Мне приходится часами ждать разрешения на маршрут. И хорошо еще если часами...

— И дорога ли аренда?

— Для банка — ерунда, тем более, что этот платеж идет не от банка. Наш президент не меньше твоих курсантов хочет разыскать и вернуть Президента. У вас тут и так демократии нет, а если все останется в одних руках Премьера, то новой войны — холодной или горячей, избежать не удастся. А Президент — пусть маленький, но противовес.

Дед набулькал новую дозу, пододвинул к Роберту пряную закуску, от запаха которой ноздри Роберта расширились, железы заполнили рот солоноватой слюной, а желудок просительно сжался.

— Ну так я о демократии, точнее о том, что будет после.

— И что будет? — не особо вслушиваясь в слова, наслаждаясь пристроенной в рот закуской, пробормотал Роберт.

— А вот что будет. Если до сих пор формы правления менялись, то нет никаких оснований считать, что демократия — это лучшее и вечное. И если эти формы менялись от единоначалия к консенсусным формам правления, то демократия должна смениться как бы большей демократией, назовем ее квантократией.

Что здесь есть квант? Квант — это единица измерения человечества. А именно: один человек, одна личность. Ну а кратия, как обычно... и переводится, как и прежде.

Но дело, разумеется не в названии.

Вот тебе простейшие примеры уже реально существующей квантократии.

Туристический поход. Люди разных профессий, да просто разные люди, собираются вместе на определенный срок для выполнения и реализации придуманной ими задачи. Возможно, что польза от этого дела будет только для них, но как мы можем вспомнить, что-то подобное было и у Колумба, и у Нансена... То есть вопрос масштаба. Назовем это масштабом возмущения, раз уж мы говорим о квантах. Помнишь физику?

— Немного.

— Или, например, возьмем школьный спектакль. Дети, родители, учителя принимают на себя новые роли, что важно — на время, после чего, повеселив зрителей, снова становятся учениками, родителями, учителями.

Самый простой и наглядный пример — детские игры, когда собирается незнакомый коллектив и есть мяч, или бассейн, или горка, или конструктор... Собрались, создали игру, разошлись.

Суть этих примеров в том, что для решения задачи собирается коллектив заинтересованных людей (и только заинтересованных — это важно!). Без скучающих клерков, идиотов начальников и злобных вахтеров. Их просто не может оказаться в проекте — он им не интересен. А те, кому интересен, ставят задачу и решают ее. После чего отправляются в разные стороны решать в новых группах новые задачи.

По сути так уже работает аутсорсинг, оффшорное программирование, фрилансеры.

Ты спросишь, а где же тут власть? Раз мы начали с развития, которое привело нас к демократии, то, как развивается общество, так же развивается и власть. История человечества — история развития власти.

Власть тут только в кванте, то есть в личности, которая вольна и властна решать, в какую группу или проект ей войти сейчас, а в какой потом.

Больше власти нет. Да она и не нужна.

Какая власть, позволь, в оффшорном программировании? Китайский коммунистический программист вместе с буддистом-индусом, атеистом из России и демократом из Америки решают задачу программирования. В решении этой задачи не нужны и не участвуют ни законы, ни властные структуры этих стран, и не могут участвовать, потому как заказчик сидит в оффшоре на Кипре и там же платит программистам деньги на карточку.

О чем я говорю. О том, что коммуникации и глобализация уничтожают любую власть как инструмент принуждения и подавления. Власть в сегодняшнем и прошлом понимании становится бесполезной, паразитической, лишней и ненужной.

Но власть потихоньку и сама понимает, что если она хочет как-то выжить, то ей надо становиться все более незаметной.

Пример элементарен. Пару веков назад существовали всеильные короли, которые единолично повелевали странами, народами, этносами. А теперь... В Америке над президентом надзирают конгресс, СМИ, суд. В Китае вместо одного императора кабинет

из девяти человек... В Европе... ну тут самый яркий вариант, потому как самый молодой. ЕЭС. Все президенты немножко поделились своей властью, правительства и страны поступились суверенитетом. Для чего? Для того, чтобы водитель частного личного грузовика не торчал на таможне и не терял время на пересечение границ. Чтобы он быстрее зарабатывал деньги. Чтобы был обеспеченнее. Чтобы ему меньше мешали власти и государства.

То есть Европа пошла на постепенное упразднение государств.

Конечно, создавая ЕЭС, умные экономисты не думали о водителе грузовика, но так уж получилось, что, пытаясь выжить и сохранить власть, европейцам пришлось сделать то, что нужно было кванту — водителю грузовика.

Но раз уж я заговорил о фактической ликвидации европейских государств, хотя, конечно, они лишь объединились, а экономически стали сильнее и все это пошло на пользу... Они заодно ликвидировали пограничников и таможенников, на которых водитель грузовика платил налоги...

Так вот. Водитель теперь замечает, где он находится, только по изменению шрифта на дорожных знаках. Лично для него Франция и Германия слились в одно пространство, не разделенное забором. И работать он может не в Испании, где родился, а в Италии, так как ему больше нравится жить в Венеции. И все эти государства европейские превратились в области, штаты, провинции...

Люди, которые придумали объединенную Европу, которые объединили Старый Свет в новую государственную формацию — одни из самых великих политиков в истории.

И это все произошло менее чем через сто лет после первой и второй мировых войн. Впрочем... а когда в Европе было мирно?

Теперь. Сейчас. И это еще один плюс уничтожения, ослабления одного отдельного государства, уничтожения границ и кордонов.

Германия объединилась с Францией. Италия не ссорится и не воюет с Грецией. И режимы Гитлера, Муссолини и Франко навсегда только история.

Можно ли было в сорок втором году предположить, что возникнет ЕЭС? Или в сорок пятом? Или в семидесятом? И что из Латвии до Португалии можно будет доехать без виз и застав?

Напомню. Это означает из СССР семидесятых, через страны НАТО на край Европы.

Фантастика. Но это уже при нашей с тобой жизни.

Тогда что мешает предположить дальнейшее расширение ЕЭС и Шенгена, а одно без другого не мыслимо. Более того, для водителя грузовика, для кванта, важнее Шенген, чем ЕЭС. Важнее отсутствие границ — ибо граница — это первый атрибут государства.

Вспомним, что водитель грузовика — это один из главных винтиков, квантов товарооборота, квантов экономики. И этот квант требует от государств — расширяйте Шенген, ликвидируйте границы. И нет войны. Ибо война всегда начинается из-за границ, которые не устраивают того или иного государя.

Конечно... завтра этого никто не сделает. Но. Важен пример. Сороковой год — война, восьмидесятый — холодная война. Две тысячи восьмой — нет границ.

Так что мешает расширить Шенген до Тихого океана к пятнадцатому году? То есть включить в него Украину, Россию, Казахстан и так далее?

Правительства.

И зачем водителю грузовика правительство, которое мешает ему кормить семью?

Я хочу сказать, что это неизбежно. Я не знаю, как это назвать, так как это не давление водителей грузовиков или лучших умов... Скорее всего, это инстинкт самосохранения.

Правительства Европы умили свои аппетиты, чтобы не стать вассалами мощной Америки.

Сейчас очередь за бывшими республиками СССР.

СССР проиграл Америке холодную войну. Проиграл бескровно и безоговорочно. И потому Прибалтика уже в Шенгене. Результат войны — потеря территорий.

Но победителя можно обыграть. Более того. Победитель будет помогать его обыгрывать. Потому что, обыгрывая Америку, Россия превратится в союзника. Из атомного монстра, из пугала — в друга и партнера. С кем конкурировать Америке сейчас? Не с кем. Америка — страна конкуренции. Она дышит конкуренцией, как люди дышат кислородом. Ей нужны страны-конкуренты. Нужны для собственного развития.

Впрочем, я отвлекся. Это дело политиков.

Стирание границ между СССР и Европой, СССР и США — дело времени. И не такого далекого. Слишком много общего, слишком мало различий и слишком серьезен кризис институтов власти.

Но как стереть границы в Африке, Азии, Латинской Америке?

Или квантократия будет ограничена... тогда это еще не квантократия. Это демократия с мощными войсками и границами, отгораживающими ее от Ближнего Востока, Китая, Африки.

— То есть ты не додумал еще про квантократию, — саркастически, слегка захмелев, поддел Андрея Роберт. Дед сделал вид, что не заметил этого.

— Что нужно человеку? Жить. Для этого он ходит на работу и что-то создает. Это что-то нужно кому-то для жизни и он это что-то приобретает, давая первому ресурсы для жизни. И так дальше по цепочке.

Что нужно, чтобы создать что-либо? Голова, руки и, иногда, помощники.

Все остальное лишь мешает созданию.

Фермер создает еду один (или с помощниками). Программист пишет программу один или с партнерами. Можно укрупнить масштаб, например, дом строит архитектор с помощниками. Но суть остается прежней.

Посмотрим, что происходит в экономике. Есть один или два человека, которые начинают что-то создавать в «своем гараже». Получается Форд, Майкрософт, Гугл...

И если у меня есть идея, то для ее воплощения мне либо не нужен никто, либо нужны партнеры. Они могут жить по соседству, а могут жить с другой стороны земного шара.

Что сделано в двадцатом веке? Найти партнера стало гораздо проще, чем в девятнадцатом. Появился телефон и Интернет.

Но, кроме мозгов, рук, партнеров, ресурсов, мне не нужен никто. Государство и границы мне нужны в самую последнюю очередь. Шериф, допустим, или милиционер, может быть, и нужен, а вот остальные нахлебники — армия, правительство, депутаты, министры, вахтеры, охранники, пограничники, спецслужбы — не нужны.

И если убрать ненужные надстройки, останутся одни кучки квантов, деловито строящие свой муравейник.

— В муравейнике есть государь. Муравьиная матка, — возразил Роберт.

— Я образно. Муравьиный мозг все-таки отличается от мозга человека.

— Принимается. Образ воспринят, продолжай.

— Итак. Что же такое квантократия? Это власть квантов.

— Это я уже понял.

— Точнее, деятельность квантов. Деятельность самой мелкой частицы общества — отдельного человека. Отдельных людей.

Если вспомнить квантовую физику, то кванты активизируются то в одном, то в другом месте. Они не застывают в пиках, а, сделав свое дело, вовлекая в него другие кванты, отправляются в новое место создавать там новую активность.

То же делает сейчас уже множество людей. Они собираются в группы сообразно своим интересам и целям и осуществляют проект и распадаются, отправляясь в другое место или в другую группу, в другой проект.

Государство постоянно ограничивает свободу людей. И люди ищут пути обойти эти бестолковые ограничения.

Что произошло в бизнесе для преодоления ограничений — созданы трансконтинентальные корпорации. И все бы хорошо, но они, разрушив государственные границы, построили свои собственные — корпоративные, создав межконтинентальные государства.

Что произошло в развитых демократиях — разрушение границ. Об этом на примере Европы я уже говорил.

Нет границ между штатами в США, нет границ в Европе между странами Шенгена.

Все это привело к экономическому росту и развитию про-квантократии.

Никто пока не применял это слово, но оно висит в воздухе. Огромное количество людей уже живет в системе квантократии.

Это так же как индустриальное общество постепенно вытесняется постиндустриальным.

Собственно, квантократия зародилась давным-давно, вместе со свободой предпринимательства и частной собственностью.

Мешало ей развиваться только отсутствие ресурсов — еды, денег, свободы информации, обмена информацией, недостаток технологий.

Сейчас недостатка нет.

Дед слегка захмелел и торжественно повысил голос:

— Ты только представь себе мир при квантократии...

Пусть это будет утопия, пусть на самом деле все окажется не так. Пусть это будет сейчас как карта для путешественника — это маршрут, и на карте есть точка финиша. Вот как я вижу этот финиш сейчас.

Любой человек может найти себе дело по душе в любой точке земного шара, и нет ничего, что могло бы ему помешать осуществить это дело.

Почему нет? Потому что нет границ, и никто не следит за пересечением границы.

Почему может найти? Потому что информационные технологии позволяют известить кванты в любой точке земли о новом проекте. Причем известить как раз заинтересованные кванты, то есть заинтересованных людей.

Я уверен, что огромное количество людей озлоблено и несчастно, потому что не нашло свое место в жизни, дело по душе. Многие дело заменили на деньги. Но я не видел ни одного миллионера, который бы жил в бумажном доме из своего миллиона, ел этот миллион и занимался бы с ним любовью. Значит, деньги — это лишь ресурс для дела, которое интересно кванту.

Что помешало людям найти дело — границы, тормоза, рамки.

Я уверен, что у каждого человека есть талант, и его реализация зиждется на информации, на свободе.

Свободе от границ и рамок, от голода и нищеты, бездомности.

И в мире достаточно денег, чтобы накормить и дать кров тем, кто голоден и бездомен. Особенно если достать накопления из-под государственной подушки, из-под задниц чиновников. И если все, кто не производят ничего — военные, чиновники, спецслужбы, — начнут строить, растить, создавать.

Ты когда-нибудь задумывался, подсчитывал, сколько денег тратится властью на поддержание власти? И сколько можно было построить домов, вырастить еды, если расходовать средства не на Службы и чиновников, а на крестьян и строителей?

Уже сейчас в мире хватает всего. Хромает лишь система распределения.

В мире достаточно еды и жилья, чтобы все люди были сыты и могли выспаться в тепле.

В мире достаточно денег и иных ресурсов, чтобы воплотить идею любого человека. Важно, чтобы эта идея была интересна другим.

Если человек сыт и понимает, что главное — Дело, то он не гонится за деньгами на «фerrари». Если человек хорошо делает Дело, ему не нужен «фerrари», чтобы пускать пыль окружающим в глаза.

И предпосылки для развития квантокрапии, для ликвидации границ давным-давно готовы.

Что мешает квантам и группам квантов творить, строить, создавать? Бюрократия всех мастей, ибо оправдание ее существования только в иллюзии регулирования, то есть в определенном проценте отказов и запретов, смысл которых не ясен никому, в том числе и бюрократу, но его инстинкт самосохранения заставляет его придумывать различные ограничения для квантов.

Государство как официальное прикрытие, крыша для бюрократии. Государство как система принуждения ради принуждения. Государство как система границ и ограничений.

— А ты, Андрей, анархист.

— Нет, Роберт. Я не анархист. Любой физик объяснит тебе, что квантовые системы чрезвычайно устойчивы, несмотря на кажущуюся хаотичность и непредсказуемость.

Но нет у квантов государства. Государство, Роберт — это корпорация наоборот. Работодатель, начальник, наниматель и работник извращенно поменялись местами.

На фирме начальник платит рабочим зарплату. Он работодатель. В государстве — рабочие платят руководителям, ибо налоги — это и есть зарплата государственных мужей — от чиновников до Служб. В государстве работодатели — это весь народ, все избиратели, все рабочие.

Но если работник плох, то ему начальник фирмы урезает зарплату или увольняет. При демократии чиновника и прочих можно худо-бедно уволить. Но это один раз в несколько лет и со скрипом. А люди не глупы, и они решают, что раз нанятые ими государственные деятели, менты или полиция сейчас работают плохо, то надо тотчас же урезать им зарплату, то есть перестать платить налоги. Элементарная логика. Зачем платить зарплату плохому менеджеру, пусть он даже и Президент? Его надо увольнять и не платить. А что есть зарплата — налоги.

Стук в дверь прервал разговор двух ветеранов двух разных Служб, и в дверь просунулся Борис.

— Мы, вроде, разгадали.

— Ну, пойдём посмотрим, что вы там нагадали, — откликнулся Дед, — поднимайся, Роберт, труба зовет.

Возвращение

На столе, вокруг которого застыли курсанты, были разложены фотографии.

— Мы проанализировали тень на снимке с автострады и тени на других снимках. Объект, отбрасывающий тень, идентифицировать не удалось, но мы смогли определить его перемещение.

Вот здесь, — Борис показал на снимок, — тень разделилась. Одно пятно осталось неподвижным, другое продолжило движение.

Мы увеличили с помощью твоего выхода на спутник изображение статичной тени, и вот что получилось, — Борис сделал знак Васе и тот повернул ноут монитором к ветеранам.

На мониторе красовался правительственный лимузин с флажком и мигалками, а рядом с ним пара шапок и плеч охранников, отбрасывающих тени на горный склон.

— Судя по положению теней и ракурсу съемки, люди стоят, а значит, живы, — сказал Василий.

— И где же это? — довольно спросил дед.

— Здесь, — Сергей ткнул пальцем в один из Гималайских хребтов.

— Молодцы. Теперь по коням. Запрягай, Роберт.

Пока ребята собирались, Дед с Робертом что-то негромко и быстро обсудили у двери, после чего все вышли во двор. На экране монитора застыла картинка лимузина, застрявшего в седловине между двумя горными хребтами.

Максим злобно взглянул на монитор, который не желал находить ничего похожего на силуэт самолета из облака. Встал с табуретки и вышел на кухню.

За незашторенным окном светился ночной город. Множество желтых окошек многоэтажек с красными огоньками на крыше, отпугивающими самолеты и вертолеты. Внизу сновали невидимые машины, ощупывая фарами дворы и уносясь по улице, хищно оглядываясь красными глазами габаритов.

Мегамолл напротив переливался множеством огней, зазывая в магазины, рестораны, кино.

С рекламы 3Д фильма на Максима скалились динозавры. Ходячие, плавающие, летающие. Максим обалдело смотрел на рекламу, и в голове его было только два слова: динозавр и крылья. Максим бросился к компьютеру.

Поиск мгновенно выдал огромное количество летающих монстров и, несмотря на то, что ни один из них не походил очертаниями на тень с фотографии из ВВС, Максим был уверен, что след взят верно.

То ли утомленное сознание, то ли обостренная интуиция повели его на сайты желтых иностранных СМИ, на которых замелькали фотографии искомой им тени. Вот она в облаке над трассой, вот чуть поодаль, вот тень с крыльями, а вот крылья вроде бы и пропали. Тень, от фотографии к фотографии, неуклонно двигалась на юго-восток, и Максим пальцем чертил по карте, лежавшей перед монитором, ее путь.

Вот он дочертил ее путь до Гималаев, вот она уже южнее, уже над морем. И вдруг тень исчезла. Максим сверился с картой. Андаманские острова.

— И кто же туда летает? — пробормотал Максим, покопался еще немного в сети, достал карточку и купил билет до Бангкока, а оттуда «Айр-Азией» до Андаман. Выгреб всю наличность, собрал рюкзак и отправился в аэропорт.

Водитель президентского лимузина посмотрел на панель приборов и удрученно констатировал: «Бензин заканчивается». Президент шелохнулся на заднем сиденье и спросил: «И на сколько часов его хватит?»

— Если экономно, то часов на пять. Мы же на холостых, только ради печки.

— Можно потом кресла сжечь — и тепло и дым — может кто заметит, — отозвался охранник с переднего сиденья.

— Если бы хотели, то уже давно бы заметили, — подумал Президент, а вслух сказал: — Хорошо, потом кресла, — и плотнее закутался в тонкое пальто.

На исходе четвертого часа, т. е. за час до окончательной остановки двигателя, к звуку мотора присоединился новый гул. Первым это заметил водитель. Он поглядел по сторонам и толкнул охранника в бок локтем: «Слышишь?»

— Что? — не понял охранник.

— Это не мотор, — сказал водитель.

— А что? — удивился охранник.

— Другой мотор, — рассердился водитель.

Охранник насторожился. Новый гул нарастал, и теперь становилось понятно, что этот гул не одинок. Он двоился, а временами даже троился, но неуклонно приближался и нарастал.

И вдруг, будто из-под земли, сбоку от лимузина загрохотало, и над склоном показался бело-оранжевый вертолет Службы Спасения Страны. Из окна вертолета, широко улыбаясь, махал рукой Роберт.

Слегка завалив машину вправо, Роберт приземлился недалеко от лимузина, курсанты выскочили из вертолета и тут же потешно провалились бы по пояс в снег, если бы Роберт предварительно не выдал бы им снегоступы.

Подбежав к машине, курсанты протянули запасные снегоступы охранникам, водителю и президенту. Меньше чем через минуту вертолет приподнялся над седловиной и исчез в пропасти, заложив крутой вираж, оставляя за собой лишь облако потревоженных снежинок.

Лимузин между двух пиков остался стоять в одиночестве, приветливо распахнув двери гималайским ветрам и утробно попыхивая невыключенным мотором.

Когда транспортник Петра Васильевича приземлился в Столице с вертолетом в брюхе и спасательной командой в салоне, уже начинало светать.

По сигналу Роберта к трапу подкатил микроавтобус Мирового банка, и пассажиры быстро покинули самолет, не замеченные ни камерами наблюдения, ни дремлющими охранниками аэродрома.

Впервые за долгие годы передвигаясь по дороге без мигалки и машины сопровождения, на скорости, приличной для микроавтобуса и непривычной для пассажира правительственного кортежа, Президент чувствовал себя очень неудобно.

Мимо, в замедленном кино пробок, светофоров, неудобных развязок, проплывали грязные обочины, покосившиеся избы, закутанные пассажиры автобусных остановок, бомжи у помоек, обшарпанные многоквартирные дома столичного гетто. А слева от президентского микроавтобуса нахально проносились «лексусы» и «мерсы», взревывая, Президента обгоняли даже «девятки» и «газели».

Каждый раз, когда Роберт тормозил перед светофором, Президент вздрагивал, а когда микроавтобус глухо встал в утреннюю столичную пробку, Президент совсем загрузтил.

На подъезде к Комплексу Правительственных Зданий Роберт оглянулся и сказал Президенту:

— Я высажу вас возле Думы. Вы сможете поздравить депутатов с приближающимися праздниками и сказать пару теплых слов. Это важно, чтобы все, в том числе и журналисты, коих там всегда обитает значительное количество, увидели и передали по своим каналам, что Президент жив, здоров, полон сил и погружен в работу. А то, знаете ли, западные СМИ за эти дни такого наболтали... мало ли кто здесь захочет этими слухами воспользоваться, — Роберт усмехнулся.

— Да, пожалуй, вы правы, — устало согласился Президент.

У дверей Думы микроавтобус уже поджидала толпа репортеров, предупрежденная службой Роберта о необычном визите Президента.

— Господин Президент, почему вы приехали без машин сопровождения?

— Господин Президент, как вам столичные пробки?

— Господин Президент, что вы можете сказать про слухи о вашем похищении?

Президент остановился и поднял руку, призывая к тишине. Когда журналисты притихли, он ответил:

— Во-первых, никакого похищения не было. Были плановые учения Службы охраны. И они прошли успешно. Отличившиеся сотрудники отмечены благодарностями командиров подразделений. Во-вторых, эти дни я работал дома, поскольку у меня была небольшая простуда, и как ответственный за здоровье своих граждан руководитель я не мог подвергать их риску вирусного заболевания. В-третьих, моя охрана работает четко и профессионально, полностью исключая возможность какого-либо покушения на главу государства.

Что касается машины, то я считаю, что негоже руководителю страны все время проноситься сквозь столицу в окружении эскорта. Весьма полезно иногда провести личную инспекцию, тайно, так сказать инкогнито. А насчет пробок вы задаете вопрос не по адресу. Ликвидация пробок в Столице — это первоочередная задача мэра города, вот у него вы и спросите про пробки. И я спрошу тоже, — сурово добавил Президент. — А теперь позвольте мне откланяться и пройти к депутатам.

И Президент с охраной двинулся к дверям, разрезая толпу любопытных журналистов надвое.

Едва двери за ним закрылись, как Президент вынул телефон, набрал номер Главы Главной Службы и приказал: «Немедленно ко мне!»

Пока журналисты задавали вопросы, а Президент отвечал, микроавтобус Роберта мягко тронулся с места и исчез в лабиринте столичных переулков. Маневрируя среди припаркованных автомобилей, Роберт достал мобильник, набрал номер Деда и сказал одно слово: «Пора». После чего обернулся к курсантам и произнес: «С успешным окончанием службы и с началом новой жизни». С этими словами Роберт въехал в подземный гараж Мирового банка.

Прощание

Отключив мобильник, Дед Андрей закинул на спину альпийский рюкзак, открыл шкафчик с символом аптечки на дверце, щелкнул спрятанным в глубине тумблером и вышел на мороз. Не оглядываясь, он зашагал в направлении станции. Дед шел быстро, размеренно, уверенно топча искрящийся под солнцем снег. Он не стал оглядываться, когда сзади раздался громкий хлопок, и его изба занялась пламенем сразу со всех четырех углов. Чуть позже загорелись банька и сарай.

Когда пожарные добрались до деревни, угли избы уже остывали. Побродив по пепелищу и не найдя трупов, пожарные засобирались в обратный путь. Под ногой одного из них хрустнула и рассыпалась обгоревшая жестяная коробка. Пожарный, не оглядываясь, вскочил в машину, грузовик попятился, разворачиваясь, и укатил.

На пепелище, в отпечатке следа пожарного, под трухой обгоревшей коробки тускло поблескивали две Звезды Героя, закопченные пожаром, и снежинки, тая на еще не остывших звездах и скатываясь в грязь, оставляли за собой тонкий желтый след на высшей награде Страны, которой уже не было.

В гараже Роберт кратко объяснил курсантам расклад и объявил Борису о решении Деда. План одобрили все, кроме Васи. У него в Столице жили мать и сестра, и он не хотел оставлять их, надеясь, что беда обойдет его, маленького человека, стороной.

Закончив совещание, ребята пересели в нутро инкассаторского броневика, а Роберт снова забрался на водительское кресло.

— Будете потом внукам рассказывать, как вас катал вице-президент Мирового банка, — весело сказал Роберт курсантам, те рассмеялись.

Самолет Роберта был готов, и в его салоне уже вольготно расположился Дед. Курсанты расселись, Роберт отдал указания пилотам, и джет Мирового банка беспрепятственно вылетел из аэропорта Столицы именно в тот момент, когда Глава Главной Службы по приказу Президента объявил четверых курсантов в розыск.

Роберт с дедом тихонько о чем-то переговаривались, уединившись в хвосте салона, а Борис рассказывал приятелям притчу, которую до гибели успел рассказать ему его отец.

— Я тогда начал увлекаться компом и часто хвастал отцу, как много я уже умею. И однажды он рассказал мне притчу о Компьютерном боге. Слушайте.

Перед соревнованиями Пашке не спалось. Он ворочался с боку на бок, то просыпаясь и разглядывая циферблат, то проваливаясь в дремоту. В этом полусне мимо него проносились машины, взмахи клетчатых флагов, отмечавших очередной круг, мелькали лица болельщиков, тренера, механика, а на очередном вираже его опять обходил Серега Звягинцев из «Мига»...

Пашка был «вечно второй», а Серега постоянно брал первые места. И возраст, и опыт, и машины... все у них было очень одинаковое... Но Сергей приходил первым, а Пашка — вторым. Всегда. Даже во сне.

В какой-то момент среди мелькания машин и лиц, в Пашкином забытии, отчетливо возник черный экран его погасшего монитора. Ничего необычного, кроме того, что монитору вовсе не место во сне гонщика накануне соревнований. Экран увеличился и занял весь сон, заслонив собой и болиды, и тренера, и соперника — Серегу. На черном фоне появились крупные буквы:

«Хочешь выиграть гонку?» — и подпись: «Компьютерный Бог».

Пашка слегка удивился, потом, вспомнив, что это сон, спокойно ответил: «Да».

На мониторе исчезла первая надпись и появилось:

«Договорились. Ты выиграешь».

«Ну, да... выиграешь, как же. Этот Серега...» — подумал Пашка и приготовился опять увидеть мелькание машин, трассу, тренера... Но монитор не исчез.

«Не веришь?» — написал компьютер большими белыми буквами на черном погасшем экране.

«Конечно нет — это ж сон», — то ли с раздражением, то ли со смехом мелькнуло у Пашки в голове.

«Проверим?» — парировал Компьютерный Бог.

«Ага, — издевательски подумал Пашка — раскрась мою машину в цветочек... ромашками...».

«Будет сделано, — ответил Компьютерный Бог, снабдив на этот раз свое сообщение смайликом, — до завтра».

И монитор исчез, а Пашка провалился в какую-то черную дыру, как это часто бывает, когда долго не спится и мучают видения, а потом, когда они наконец исчезают и ты засыпаешь крепко и глубоко, оказывается, что уже надо вставать...

Пока Пашка продирает глаза, завтракает, умывается, тряся в троллейбусе и толкаясь в метро, он ни разу не вспомнил свой странный сон.

Первое, что он увидел на стадионе, был тренер. Обычно спокойный и рассудительный, тренер был в ярости. То есть это мягко сказано. Тренер метался по ангару, сжимая и разжимая кулаки и бормоча что-то злое и неприличное. Пашка недоуменно посмотрел на команду, обступившую одну из машин. Ребята расступились, и Пашка увидел свой болид. На желтом фоне его «Стрелы» были разбросаны веселенькие белые ромашки. Пашка подошел и остолбенело потрогал одну из ромашек на крыле. Ромашка была не наклеена — белая краска была аккуратно нанесена на стремительный изгиб. Никакого намека на ночные проделки неизвестных. Цветок был нарисован добротнo, и краска давным-давно высохла. Как будто так и было. Пашка вспомнил сон.

А потом были гонки. Пашка выиграл, обогнав Серегу первый раз в жизни, у самого финиша. На последнем повороте. Комментаторы посмеивались над «Стрелой» в ромашках, тренер был счастлив, ребята поздравляли Пашку... Но Пашка был недоволен. Он невесело усмехался в ответ на поздравления и вскоре, довольно угрюмый, уехал домой.

Компьютер работал, хотя Пашка точно помнил, что не включал его.

На экране светилось «Поздравляю!»

«С чем? — недовольно подумал Пашка, — это не я выиграл, а ты».

«Нет, — ответил Компьютерный Бог, — выиграл ты... Я лишь разрисовал твою машину ромашками, как и обещал».

«Но ты же сказал, что я выиграю», — пробормотал сбитый с толку Пашка.

«И ты поверил, — ответил Компьютерный Бог, — и выиграл».

Пашка смотрел на буковки. Ему показалось, что они прыгают по экрану. Он никак не мог осознать. Он выиграл... Бог тут ни при чем. Он поверил, что сможет, что ему поможет Компьютерный Бог из сна, и обогнал Серегу. А Бог не помогал... Значит, выиграл он...

На экране засветилось: «Поздравляю. Пока»... и компьютер выключился.

— Ну и в чем мораль этой басни? — спросил Сергей.

— Раньше я думал, что в том, что надо не бояться противника, а просто бороться за победу. А сейчас вот думаю, что это сказка про то, что пока ты на Службе, ты обречен быть «вечно вторым», если не сто двадцать третьим. И шанс стать первым есть только у того, кто решил повиноваться только своим решениям и желаниям, а не чужим приказам.

Может так, а может, через пару лет я найду в этой притче и третий смысл.

Курсанты замолчали, откинувшись в креслах, и вскоре задремали.

Роберт посмотрел на ребят. Они почти годились ему во внуки. Их он спас, как много раз спасал многих других детей. Постарше, помладше... И почти все они помнили об этом. А он вспомнил свою дочь и то, как долго он стремился к ней, сначала не отпускаемый Службой, а потом не пускаемый матерью и решением суда. И он вспомнил их встречу, когда уже ни суд, ни мать не могли помешать им.

Он стоял на носу корабля, курил и смотрел на гибкую линию горизонта, покачивавшуюся вдаль. Меньше чем через сутки там, вдаль, появятся горы, поросшие зеленым кустарником, город, залитый огнями и мигающий бесконечной рекламой, порт, наполненный промасленными запахами.

Кто-нибудь на корабле ждал этой встречи с землей, как избавления от неизвестного, от постоянной качки и ветра. Кто-то мечтал, наконец, потоптаться на твердой земле, дающей иллюзию стабильности и незыблемости, укрыться от ветра за стеклопакетами. Спрятаться от холода за батареями. Кто-нибудь. Только не он.

К нему подошла женщина, достала из зеленой длинной пачки коричневую сигарету и попросила огня. Попросила так, что было понятно, что прикурив, она совсем не против продолжить знакомство, и что на ближайшие сутки она совершенно свободна и готова не только принимать огонь, но и дарить его.

Он достал свою зажигалку. Мысленно он называл ее реактивной. Вмонтированная в металлический корпус спиралька не давала даже очень сильному ветру задуть пламя, что было очень удобно — никогда не приходилось горбиться, пытаясь укрыть зажигалку от ветра.

Женщина закурила, затянулась и выжидающе, вопрошающе посмотрела на него. У нее была ладная небольшая фигурка, большие глаза, черные выющиеся волосы чуть ниже плеч... И если бы он встретил ее немного раньше... или немного позже, он непременно бы продолжил и развил обоюдopриятное знакомство. Но сейчас...

Когда женщина подняла взгляд от сигареты, он уже смотрел на горизонт, сунув руки в карманы куртки, поглаживая пальцами металл зажигалки.

Женщина отошла и осталась курить неподалеку. Она не обиделась. Наоборот, она знала, что он заметил ее желание и знала, что понравилась ему. По тому как он доставал зажигалку, по его взгляду, окинувшему ее фигурку, по расширившимся зрачкам, скользнувшим по ее лицу. И ее теперь уже весьма интриговало, почему он молчит, не развивая такого удачного повода сблизиться.

Он же подумал о ней, как бы извиняясь и перед ней, и перед своими желаниями. «Не сейчас». Он не хотел заводить корабельной интрижки, по аналогии с курортной. Не

потому что был какой-то правильный или консервативный. И закомплексованным он не был. Скорее наоборот. Просто не хотелось. Сейчас. Не хотелось нарушать мимолетным приключением то сладкое ожидание, в котором он жил уже несколько дней, с тех пор, как узнал, что Она придет встречать его на пристань.

Он вспоминал, как встречал ее раньше. Как ждал, когда точно знал, что не придет, и все равно ждал. Как она встречала его, бросаясь на шею, обнимая руками и ногами, вжимаясь маленьким тельцем. Вспоминал, как она кричала «Папа, папа!» И в радости, и в совсем не радостных ситуациях. Но кричала всегда с надеждой, призывом. Вспоминал, как она прощалась с ним, уходя к маме. Иногда радостно и открыто обнимая и целуя его, иногда понуро, потому что не хотела расставаться, и еще потому, что не знала, когда они смогут увидеться снова. Как прятала свою радость, обнимая его, лишь когда мама не видит, как звонила ему, спрятавшись под стол в дальней комнате.

Вспоминал, как они гуляли вместе, как мечтали. И как всегда над ним, да и над ней висел вопрос «надолго ли?». Когда ее снова отберут, заберут у него. Когда он вынужден будет отпустить ее, а она уйти...

Но завтра... Он так долго ждал этого дня. Он так старался его приблизить. Он так мечтал, что когда-нибудь она позвонит и скажет. Нет, не «папа, я хочу жить с тобой». Она это говорила, и не раз. И он рисковал, и она жила с ним и ходила в детский сад, в школу, ездила в Буффало и жила в палатке, купалась в море... да разве это важно — где и что? Просто жила с ним. И он помнил каждый этот день. И он помнил цену этим дням — бесконечные суды и визиты пьяных полицейских и трезвых бандитов. Угрозы уголовных дел и уголовное дело, когда бабушка с дедушкой решили окончательно решить вопрос и упрятать папу в тюрьму. И суд, и бесконечные походы по инстанциям. И слезы, и бессилие. Много чего. И он знал, что все равно заплатил бы и это, и больше этого всего лишь за день с ней, за неделю, за месяц...

И вот, наконец, она подросла и научилась решать сама, научилась не оглядываться на ненавидевших его родственников и действовать самостоятельно, любить, когда ей хочется, а не когда это разрешит мама, встречаться, когда этого хочет она, а не когда решат за нее.

Она позвонила и спросила, когда придет пароход, сказала, что придет встречать.

Это прозвучало так буднично и спокойно, что он спокойно ответил, что будет очень рад, что целует, что очень любит, что встретимся, но слышно плохо, так что до завтра, до четверга...

Он просто не мог больше говорить. Он просто ничего не слышал. Вокруг него как бы собралась невидимая вата, она глушила все звуки, она глушила ощущение качки и мерную вибрацию палубы от работы двигателя, она заглушала шум ветра. Она поглощала все вокруг, растворяла каюту. Ему хотелось плакать и смеяться, ком стоял в горле, и ни слезы, ни слова не могли протолкнуть его. Он лег на койку, уткнулся лицом в подушку, обхватил голову руками, и только когда воздуха стало не хватать, ком в горле стал мягче, слезы навернулись на глаза, и дышать стало спокойнее.

Он понимал, что вряд ли ему улыбнется счастье жить с ней вместе. Она выросла, и потихоньку ее любовь к нему вытеснялась мальчишками. Он не обижался, не огорчался. Он ждал одного. Ждал, когда она будет решать сама. С кем и когда встречаться, где жить, кем и какой быть.

Дождался.

Нос корабля разрезал волны, продавливал воду, и она обтекала, пенясь, окрашенный белой краской металл, пытаясь дотянуться до неподвижного якоря. Он оторвал взгляд от горизонта и, перегнувшись через перила, стал смотреть на воду.

Вода была и неподвижной и текучей одновременно. Казалось, что корабль не двигается, а движется лишь вода. Как костер, горя, выбрасывая искры и обжигая пламенем, остается на месте, извиваясь в причудливом танце плазмы.

И он вспомнил, как они с ней ездили на Великие озера, как катались на катере, как она визжала, подпрыгивая на волнах, как он прикрепил ее к себе и они катались на водных лыжах, как она училась рубить дрова, жечь костер, как радовалась палатке и ночевке. Как все это было обычно и весело. И запретно... потому что ему пришлось фактически украсть ее, чтобы подарить этот праздник. И много других праздников. Каждый день. Каждый час. Их было очень немного. Он не знал, в какой момент они закончатся. Он очень торопился жить и очень старался. И она была счастлива. А это было все, чего он хотел.

На носу корабля было ветрено. Холод пробирался под куртку, путался в волосах, цеплялся за лицо. Ветер сдувал пепел с сигареты, освобождая от необходимости его стряхивать.

Он выпрямился, закутался покрепче в куртку, поднял воротник. Теплее не стало, но уходить в каюту или прятаться от ветра очень не хотелось.

Ветер всегда к переменам, всегда к ожиданию. Он любил ветер. Он искал ветра. Он жил, как ветер, не принимая ограничений, вырываясь из любых рамок на простор. На свободу.

Ветер был его другом. Он раздувал его костры и разгонял туман, ветер наполнял паруса его яхт и прижимал объектив фотокамеры к руке. Ветер напевал ему мелодии и шептал стихи. Они были одной крови. Свободной и просторной.

И он ждал, когда в ней заиграет эта кровь, наполнит ее паруса и погонит из золоченой клетки внезапно разбогатевших и свихнувшихся от этого родственников, неизвестно куда, но погонит, понесет, потянет, обрывая якоря псевдоправил, рамок и принятых в этой клетке приличий и взглядов. Поведет извилистыми устьями рек и неизвестными просторами океана, туда, куда будет стремиться ее незашоренная душа, расправив, наконец, свои крылья.

Женщина докурила, постояла немного, быстро обернулась всем телом по направлению к корме, затем к нему, так, что плащ распахнулся, и стали видны точеные ножки в высоких сапожках, округлые, зовущие колени и край платья. Помедлила немного, провела рукой по перилам, плавно убрав с них ладонь, потом пальцы, поежилась и несколько разочарованно неспешно пошла в сторону кают.

Он оглянулся.

«Жаль, — подумал он, — прости, в другой раз...»

Он улыбнулся, глядя вслед ее соблазнительной фигурке. «Дурак, — подумал он про себя. — Упускаешь шанс». Он снова улыбнулся и остался на палубе в одиночестве.

Одиночество. Он любил одиночество.

Горизонт растворялся и терял свою очерченную морем линию. Приближался город. Город, в который стремилось большинство пассажиров этого корабля.

Город был огромный. В нем было огромное количество денег...

Это был удобный город. Он исправно кормил его. И не более.

Не то чтобы он не любил этот город. Ему было в нем комфортно.

Не приятно, не хорошо, а именно комфортно. Как бывает комфортно в гостиничном номере. Удобном, чистом, теплом... и бездушном.

Большинство же искало за стенами этого города стабильности. Этой самой большой иллюзии на свете.

За кормой, он знал, оставались буруны от работы винтов. Небольшие водовороты, пена, участки воды с нарушенной структурой волн и чайки, охотящиеся на легкую добычу — оглушенную винтами рыбу.

Так и за ним в этой жизни постоянно оставались буруны и водовороты. И на то, что он сделал, слетались то ли чайки, то ли вороны, не способные ничего создать и имеющие единственный талант — они умели поживиться.

Корабль причалил, и он сошел по трапу. Сошел в свое прошлое, сошел к маленькой девочке, которая теперь была ростом лишь чуть ниже него. Сошел и обнял, как тогда, в детстве. И она прильнула к нему как тогда, крепко и доверчиво.

Они так и пошли от пристани, обнявшись, ни на кого не глядя, а потом сидели возле покачивающихся на волнах яхт и молчали. Долго. Пока солнце не утонуло в волнах залива.

Микрофонный голос пилота грубо вырвал Роберта из воспоминаний.

— Роберт. По курсу Севастополь, мы снижаемся, я готов связаться с лодкой.

Гордон встал и направился в кабину.

У причала застыла в ожидании Роберта, Деда и курсантов огромная субмарина шестого флота. Курсанты присвистнули.

— Не слишком ли? — Андрей повернулся к Роберту. — долететь же быстрее...

— Безопаснее, — ответил Гордон. — К тому же до Майами прямых рейсов нет, а лодка, считай, доставит вас почти к порогу моего дома.

— Идите, — распорядился дед. Сергей, Борис и Леша зашагали к лодке. Вася отошел от старших и смотрел вслед удаляющимся приятелям.

— Андрей, а ты уверен, что бумаги на меня сгорели? — спросил Гордон.

— А ты уверен, что мы уже в Майами? — Дед вернул Роберту его же вопрос.

— Я уверен в тебе, Андрей, — откликнулся американец.

— И я уверен в тебе, Джон, — тихо произнес Дед. Роберт вздрогнул. Он так давно уже не был Джоном, так давно жил по легенде, какой-то чужой и не всегда понятно зачем и кому нужной жизнью Роберта Гордона, что уже стал забывать, как его звала мама, школьные друзья, девушки в колледже.

Он внимательно посмотрел на Деда, потом широко улыбнулся и сказал:

— Удачи, Андрей, до встречи дома.

Они простились.

Разоблачение

Когда рубка подлодки полностью скрылась под водой, к Василию, стоявшему на пристани, подошли двое в штатском и арестовали курсанта. Роберт издали наблюдал этот спектакль, а потом достал телефон и отдал распоряжение летчику.

Как раз в то время, когда Василия вели на первый допрос, Роберта Гордона, вице-президента Мирового банка, сотрудник охраны Президента Страны вежливо провожал в приемную опекаемого лица.

Президент не стал мариновать Роберта ожиданием и встретил его в дверях.

— Рад вас видеть, Роберт, как ваше здоровье?

— Мое здоровье, как и положено по рангу, великолепно. Меня беспокоит здоровье одного из курсантов, летавших вместе со мной не так давно в Гималаи.

Президент помрачнел.

— Я думаю, что эта поездка сильно подорвала его здоровье.

— Господин Президент, я надеюсь, что если вы сможете передать ему вот это, — с этими словами Роберт вынул из кармана миниатюрный проектор, включил и направил на стену, — то его моральный дух, а значит и здоровье, пойдут на поправку, и я смогу пригласить его погостить вместе с семьей на моем ранчо в Миссури.

Проектор отразил на стене оперативную съемку происшествия на Андреевском шоссе, этапы эвакуации Президента из заснеженных Гималаев, полет Президента на

вертолете Службы Спасения и транспортнике Петра Васильевича, поездку на микроавтобусе по Столице.

— Я оставлю вам это, если позволите, — Роберт показал на проектор, — И как только Василию станет лучше, я очень прошу вас распорядиться, чтобы он завтра был у меня в офисе на собеседовании. Его ждет успешная карьера в Мировом банке.

— Я выполню вашу просьбу, Роберт. И у меня есть просьба встречная.

Президент подошел столу, взял листок, что-то написал на нем и протянул Роберту. Гордон взглянул на листок, коротко сказал «Хорошо» и, сославшись на срочное селекторное совещание с Брюсселем, покинул кабинет Президента.

Как и обещал Президент, Василий выздоровел на удивление скоро, и на следующий день, с вещами, мамой и сестрой, ждал Роберта неподалеку от офиса Мирового банка.

А Максим тем временем арендовал моторку, чтобы обследовать архипелаг из нескольких небольших и не очень обитаемых островков. Торг был не очень успешен. Наличности у Макса было в обрез, а лодочник не желал падать в цене. Сторговаться удалось, только положив сверху денег мобильник и часы.

Забравшись в лодку, Максим оперативно отчалил, дабы исчезнуть с глаз аборигенов и спокойно обдумать технологию поисков.

Отъехав на приличное расстояние, когда пристань из суматошного восточного базара превратилась в небольшой муравейник, Максим огляделся.

Вокруг было изумрудное море, белые пляжи островов, зеленые кроны пальм. «Наверно, так выглядит рай», — ни с того ни с сего подумалось Максиму.

Рассудив, что на коралловых островах тени с фотографий BBC спрятаться негде, Максим направил лодку к единственному гористому острову, скалой потухшего вулкана вздымавшемуся над плоским коралловым архипелагом.

После нескольких часов блуждания по миниатюрному, но весьма вертикальному острову Макс, окончательно взмокнув и выдохшись, присел в тени кривого горного деревца и собрался перекусить.

И только он развязал рюкзак, как огромная тень накрыла его прибежище. Макс поднял голову, и рот его сам по себе раскрылся в беззвучном «аах!» Над его головой, плавно махая крыльями и держа в лапах огромный, размером с небольшой домик, валун, пролетел... нет, не динозавр, это, летающее было совсем не похоже на динозавров из атласа. Нет. Это был дракон. Самый настоящий. Ибо никакое другое наименование не подходило для обозначения этого монстра.

Максим схватил рюкзак и бросился бежать за сказочной рептилией.

Дракон скрылся из вида, но Максим упорно взбирался, проползал, подлезал, двигаясь вслед скрывшемуся из глаз дракону.

Наконец, запыхавшись, он не то выполз, не то вывалился на плато.

Вдалеке белела хижина и в скале чернели провалы то ли пещер, то ли гротов.

Посреди плато стоял невысокий мальчик, лет десяти, а рядом с ним возвышался огромный, поблескивающий на солнце ярким гребнем, дракон.

Максим удивленно взирал на дракона, а дракон, раздраженный появлением чужака, всхрапывал, выбрасывая перед собой небольшие языки пламени, но мальчик крепко держал своего дракона за лапу, не давая испепелить незваного гостя.

Максим улыбнулся и развел руки ладонями вперед, пытаясь показать, что пришел с миром. Мальчик с любопытством смотрел на него, дракон недовольно ворчал.

Макс сбросил рюкзак на землю и, осторожно волоча его за собой, приблизился к мальчику. Покопался в рюкзаке и протянул ему MP3-плеер с наушниками. Мальчик взял плеер, повертел в руках и вернул незнакомцу.

Тогда Максим включил плеер, нарочито медленно вставил в ухо наушники, потом опять передал мальчику, предлагая проделать ту же нехитрую операцию.

Мальчик вставил наушник в ухо и подскочил от удивления. Встревоженный дракон выбросил изо рта сноп огня, опалив рюкзак Макса. Мальчик отбросил плеер и успокаивающе похлопал дракона.

Максим стоял, ожидая развития событий.

Мальчик поднял плеер и протянул его Максиму. Тот выставил руки вперед, отвергая возврат. Жестами Макс попытался объяснить мальчику, что это подарок. Когда мальчик это понял, он просиял и сунул плеер куда-то в глубину своей мешковатой и слоистой одежды. Потом вопросительно посмотрел на гостя.

Макс ткнул пальцем в дракона, вопросительно посмотрел на мальчика и стал озираться по сторонам, как бы разыскивая что-то взглядом. Мальчик терпеливо изучал пантомиму незнакомца, и, наконец, догадавшись о вопросе, взял его за руку и подвел к одной из черных дыр в скале.

На пороге дыры Максим нерешительно остановился, но мальчик сделал широкий приглашающий жест, и Максим сделал шаг в темноту.

Макс шагнул в темноту пещеры, и тут же что-то теплое и упругое ударило его. От удара потемнело в глазах.

Медленно приходя в сознание, Максим почувствовал, что он, слегка покачиваясь, движется куда-то с довольно большой скоростью.

Он открыл глаза и тут же зажмурился — наперерез ему, летящему сквозь редкие облака, двигался огромный, ярко раскрашенный объект, похожий на два реактивных пассажирских самолета с дирижаблем посередине. Этаким воздушный тримаран.

Ничего не произошло. Летящий тримаран проплыл над ним, а он продолжил свое падение... или скольжение... или полет...

Он начал понимать, что несмотря на то, что под ногами нет пола, не видны ни ручки управления, ни крылья, ни хотя бы парашют, он довольно комфортно сидит в невидимом воздушном кресле, а так как воздух не свистит в ушах, то и в какой-то невидимой капсуле, которая несется к земле наподобие кабины американских горок... только без грохота, тряски и визга.

Поняв, что от него теперь ничего не зависит, он стал оглядываться по сторонам. Вокруг было множество летающих объектов. Ни у одного из них не было ни крыльев, ни какого-либо подобия рулей высоты, винтов, турбин. И если ему казалось, что вот она — турбина или крыло, то оказывалось, что это вовсе не крыло, а какая-нибудь хитрая часть фюзеляжа, если это вообще называлось фюзеляжами, с иллюминаторами, иногда столь огромными, что за ними был хорошо виден салон.

Объекты то величественно проплывали мимо, то проносились как угорелые... Но, несмотря на облачность, совсем не мешали друг другу и не врезались.

Потом он заметил землю. Она удивила его. Сначала он не мог понять чем... дома как дома, поля и леса как поля и леса, реки, озера... Но ни одной дороги. Строения росли прямо в поле или в лесу, как грибы, и не было к ним ни одной подъездной дороги. Не было и скученности, свойственной земным деревенькам и уж тем более городам.

В нескольких метрах от земли полет его невидимой капсулы плавно замедлился, а потом и вовсе остановился... Удобно сидя, он висел в 10 сантиметрах над лужайкой, недалеко от небольшого домика с огромными окнами и, если бы не зализанные углы и полное отсутствие хоть одной пары параллельных линий, можно было бы сказать, что это обычный хайтечный дом из стекла и металла. Но... это было явно не земное строение.

Невдалеке от дома, на лужайке, паслись братья-близнецы дракона мальчика, не обращая никакого внимания на незнакомца.

Он попробовал встать со своего кресла... Это получилось на удивление легко — как слезть с барного стула. Шаря рукой перед собой, пытаясь нащупать стену невидимой капсулы, он сделал несколько мелких осторожных шагов и понял, что капсулы уже нет... если она вообще была.

Уже более спокойно Макс побрел к дому. Над ним почти беззвучно пролетали огромные драконы и сновали бескрылые сигарообразные самолеты — огромные и совсем крошечные, круглые, как воздушный шар, и толстые, как дирижабли — сплошь покрытые мозаикой иллюминаторов, как многопалубные корабли. Эти НЛО издавали так мало шума, что, несмотря на то, что над лужайкой их всегда было несколько, шум их двигателей (а есть ли у них двигатели?) не заглушал стрекот кузнечиков, прятавшихся в траве под ногами Максима.

Макс поднялся на крыльцо и постучал.

Дверь открылась. На пороге стоял смуглый человек, одетый в свободные штаны и такую же свободную рубашку, которая при всем желании никак не смогла бы сковать его движения. Человек приветливо махнул рукой: «Добрый день, входите...». И отошел вглубь прихожей. Максима не удивило гостеприимство, так как это было самое меньшее, что удивляло его последние минуты.

— Я знаю, кто вы и как оказались у нас, — сказал незнакомец., — Меня зовут Гектор, и должен вам заметить, что пещера, через которую вы к нам вошли — это единственная дверь в вашем мире, где его привычное вам трехмерное пространство, а точнее ваше восприятие этого пространства, сменяется иной системой координат.

Суть в том, что в какой-то момент, очень и очень давно, когда вы, а точнее и вы, и мы, изобрели стрелы, колесо, колесницы... пути наших цивилизаций сильно разошлись. Ваша цивилизация увлеклась войнами, а наша — измерениями. И когда вы, наконец, решили на нас напасть, оказалось, что мы... исчезли. То есть, конечно, мы никуда не исчезли, просто на тот момент мы открыли и уже знали, как пользоваться иными измерениями, чем те, в которых существуете вы — трехмерное пространство плюс время. Мы перешли в эти измерения и... вы решили, что мы утонули... Вы называли наш мир Атлантидой. Впрочем... мы тоже так его называем.

— Атлантида? — К Максиму вернулась способность удивляться.

— Да, да.

— Но... как мы помещаемся на одной планете, не замечая друг друга?

Гектор взял со стола лист бумаги и ребром поднес его близко к глазам Максима.

— Ты видишь лист? Нет. В лучшем случае тонкую полоску, которая, учитывая пестроту земного окружения, быстро теряется, и глаз не зацепляется за нее. Это суть вашего трехмерного мира... но если ты слегка присядешь или встанешь на цыпочки, то ты перейдешь в другое измерение... Для вас оно было бы четвертым или пятым, и вы увидели бы кусочек нашего мира... как ты сейчас увидел не полоску, а лист целиком...

Мы могли бы существовать в одном и том же мегаполисе, на той же военной базе... и вы не замечали бы нас... Но нам комфортнее здесь — там, где по вашей трехмерной теории находятся океаны, северный и южный полюс... воздух здесь почище... а то вы своими двигателями внутреннего сгорания и заводами всю планету пропахли.

— Но как можно перейти в измерение и стать невидимым для нас?..

— Это и просто и сложно. Но вспомни, когда-то вы не знали о радиации, да и сейчас вы не видите ее, а измеряете. А ведь она находится в одном с вами измерении. А радиоволны, которыми опутан ваш мир... А магнитное поле земли? А ведь все это можно увидеть, буквально руками изогнуть, изменить, если находиться в другом измерении.

Гектор взял листок и нарисовал на нем примитивный график — XY. Потом перевернул лист и поставил на обратной стороне точку.

— Скажи мне, пожалуйста, координаты нарисованной мной точки.

— Но она же вне графика... На обратной стороне листа... Ее же даже не видно на графике? Как же можно назвать ее координаты? — удивился Максим.

— Вот. Так вы раньше не замечали микробов... Так считали небо твердью... Все это одно и то же. Если ты не знаешь, что мир иной, если не можешь допустить, что он не трехмерный и даже не четырехмерный, а много больше, то как ты сможешь увидеть точку

вне графика — на обратной стороне листа?.. А она там есть — мы только что сами ее туда поставили... правда?

А что вы видите, даже если показать вам эту точку? Вы не пытаетесь придумать новую систему измерения, а продолжаете пользоваться старой, которой нельзя описать точку на обратной стороне листа. Вы не пытаетесь подпрыгнуть, перевернуть лист, не пытаетесь заглянуть на другую сторону. Хотя все столь очевидно. Иногда мы выглядываем из своего измерения. Чаще по техническим причинам, — экспериментируя с новыми измерениями, но иногда и из любопытства... и тогда вы говорите, что увидели НЛО. Оно на ваших глазах пропадает, переходя в иное измерение... но вы считаете, что оно пропало из виду, развил неимоверную скорость. И даже не обращаете внимание на то, что ваши приборы и радары, которые стократ чувствительнее глаз, теряют НЛО из виду в той же точке, что и ваши глаза. Вы начинаете думать не о том, что НЛО перешло на другую сторону листа, а о помехах, сбоях приборов, магнитных возмущениях...

— Но почему у вас нет дорог? — спросил Максим, вспомнив свое необычное впечатление от вида земли сверху.

— Когда вы увлекались колесом, двигателем внутреннего сгорания, потом атомной энергией, мы открывали одно измерение за другим и нашли то, что вы называете гравитон. И нам очень скоро стали не нужны колеса, не нужны дороги, не нужны двигатели... Если рассматривать гравитон в вашем трехмерном пространстве, то толку от него чуть, но в иных измерениях...

Все вокруг имеет свою силу притяжения и отталкивания, начиная от молекул или планет и заканчивая людьми... Про молекулы и планеты вы знаете, а про людей... вы почему-то говорите — симпатия и антипатия, хотя дело все в тех же силах, которые отталкивают молекулы и атомы друг от друга или удерживают их рядом, образуя иногда прочные, а иногда совсем непрочные связи.

Так вот... то, что вы называете гравитон, мы приручили, научились пользоваться. Это позволило нам не обращать внимание на притяжение земли, когда нам этого не хотелось, и использовать любые объекты — хоть звезды, хоть камни, хоть другие корабли, для поступательного движения...

Нам не нужны дороги — у каждого есть небольшой гравитон — моторчик, по-вашему, размером с брелок от вашей автосигнализации. С его помощью можно развить скорость до 30 км/ч и подняться... да хоть в космос. Но зачем? Дышать там трудно, да и что там делать... Если только на землю посмотреть сверху... Но это можно сделать для удовольствия один, два раза... Не часто. Многие ли из вас катаются часами на велосипедах для удовольствия?

Гравитоны, двигатели, позволяющие развивать большую скорость, не только для местных полетов, но и для скачков между другими планетами, крупнее. В кармане их носить не так удобно, хотя они тоже не очень большие — основное место занимает навигационное оборудование, так как по сути топлива как такового в моторе нет — НЛО, по-вашему, передвигается, используя силы притяжения и отталкивания окружающих объектов.

— И вы летаете на другие планеты?

— И летаем, и живем на них... Долететь до другой планеты... совсем не сложно... Во-первых, потому, что гравитон использует энергию тех тел, которые есть вокруг, и, во-вторых, путь, который в вашем трехмерном пространстве кажется вам невероятно долгим, в наших измерениях совсем невелик... Это можно сравнить с петляющей дорогой, по которой вы катите на телеге, а мы летим над вами на самолете напрямик...

— А перегрузки?

— Ну какие перегрузки в пассажирском лайнере? Не больше, чем в телеге. Суть в технологии и выборе пути. Ведь самолет движется в трехмерном пространстве, а телега в двухмерном. Понимаешь? А у нас 12 измерений. Так что до любой галактики мы долетаем максимум за неделю. Хотя, думаю, могли бы и быстрее.

— И... — у Максима захватило дух, а голос слегка охрип, — есть там жизнь?

— Конечно, — спокойно и буднично ответил Гектор, — на Марсе жизнь есть... и на Венере... и на Луне... только она совсем не похожа ни на вашу, ни на нашу, ни на ту, которую ваши фантасты описывают в книгах. Жизнь намного разнообразнее и фантастичнее любой человеческой фантазии, извини за тавтологию.

— А драконы? — Максим не знал, как точнее сформулировать свой вопрос.

— А что драконы? Драконы такие же животные, как динозавры. Точнее, это и есть одна из ветвей развития динозавров. Достаточно локальная, изначально существовавшая только там, где в вашем измерении была Атлантида. Ну и исчезнувшие, разумеется, вместе с ней, поскольку к тому моменту, как Атлантида исчезла из вашего мира, драконы уже были ручными, как у вас, например, кошки, собаки, лошади.

— И как же вы их дрессируете? — удивился Максим, глядя на животное, размерами не уступающее дому Гектора, да еще и периодически пыхающее огнем.

— А мы не дрессируем. Мы договариваемся. В нашем мире дрессировка, зоопарки, цирк и другие шоу, а также религии, запрещены. Нет никакой нужды мучить животное или человека дрессировкой — со всеми можно договориться.

— Но религии-то почему под запретом?

— Понимаешь, религия — это первая политехнология, первая и самая совершенная система манипуляций. А манипуляция — та же дрессировка, только немного закамуфлированная. Религия — это лишь способ управления, способ одних людей подчинить себе других, способ власти, такой же, как, например, деньги, армия, границы, полиция. Правда, религия более совершенная система власти — это власть из воздуха, власть болтуна над пекарем, строителем. Если присмотришься, то увидишь, что поп, раввин или ксендз ничем, по сути, не отличается от политика — те же обещания, те же угрозы, индульгенции, запреты, отпущение грехов и аутодафе.

— И у вас, значит, нет государства, нет армии? А вдруг на вас нападут?

— Государства, как ты его понимаешь, с правительством и полицией, действительно нет. Но и напасть на нас, к счастью, невозможно.

Максим вдруг забеспокоился.

— И что вы намерены теперь делать?

— Да ничего, — ответил Гектор, опять с полуслова уловив суть вопроса. — Хочешь — оставайся. Хочешь — возвращайся к себе, в свое измерение.

— Но... вы не боитесь... — Макс осекся, испугавшись, что, назвав причину, которой надо опасаться, приговорит себя к пожизненному невозвращению.

— Нет. На то есть три причины.

Первая — бояться — противно.

Вторая — тебе никто не поверит. Чтобы тебе поверили, надо допустить, что вы знаете не всё, что ваши знания могут быть неверны, а путь ошибочен. А на это способны очень редкие люди. Они появляются раз в столетие или реже... и вы считаете их или сумасшедшими гениями и преклоняетесь... или убиваете, а потом преклоняетесь... Так было с Джордано Бруно, так было с Леонардо да Винчи...

Мало кто из ученых способен критически смотреть на своих учителей, и никто из тех, у кого есть власть и деньги, не способен даже в мыслях вылезти за свои рамки.

А это значит, что даже если тебе поверят и власть имущие захотят нас завоевать... а они непременно этого захотят — другого пути мышления у них просто нет, то... они все равно не смогут этого сделать. Почему? Потому что есть третья причина — агрессия всегда прямолинейна. Она может быть направлена на соседа по квартире, по лестничной клетке, на незнакомца на улице. Агрессия государства — на своих граждан или иное государство, но она всегда находится в том же измерении. Более того, на одной прямой. По сути агрессия находится в одномерном или двухмерном пространстве, если считать время. Как ты не можешь увидеть лист, если он повернут к тебе ребром, так ты не можешь проявить агрессию к африканскому аборигену, сидя в своей квартире и видя его по

телевизору... Поэтому, даже если бы вы пошли на нас войной, бросив на это все свои пушки, танки и крылатые ракеты, то вы стали бы уничтожать себя... тех, кто находится с вами на одной прямой, в одном измерении, — соседа.... Палить почему зря по океанам и полюсам, пугая медведей, рыб и пингвинов. Вы просто не сможете увидеть — куда стрелять... Выстрел, как и агрессия — прямолинеен. Но даже если ваши ученые откроют измерение, в котором нас видно, то пущенная в этом измерении ракета будет легко переведена нами в иное измерение, где и исчезнет, потому что и ракетой-то перестанет быть.

Поэтому нет, мы не боимся. Захочешь остаться — оставайся... а чтобы вернуться... войди вон в ту дверь.

Максим вошел и снова оказался на горном склоне у пещеры. Дракон, пристроившись подле мальчика, скосил на Макса глаз, дернул хвостом, но не двинулся с места. Мальчик гладил морду дракона и что-то шептал ему на ухо.

Максим присел поодаль и, достав из рюкзака коробку рафинада, подтолкнул ее в сторону мальчика.

Мальчик с любопытством посмотрел на белые спрессованные в кубики кристаллы и поднял взгляд на Макса. Максим подобрался поближе, взял один кубик и, положив себе в рот, растянул лицо в довольной улыбке и погладил живот.

Мальчик понял, взял сахар и, положив его в рот, улыбнулся в ответ. Затем взял еще один кусок и осторожно протянул дракону. Тот одними губами, стараясь не дышать, чтобы не обжечь руку друга, осторожно взял предложенный кубик. Подержал немного во рту и выплюнул обратно на руку мальчику леденец из жженого сахара. Максим жестом предложил мальчику съесть леденец. Мальчик положил коричневую сосульку в рот и аж подпрыгнул от радости, он побежал в хижину и приволок оттуда Максиму памятку афишу циркового шоу. Мальчик стал радостно что-то щебетать, показывая грязным пальцем то на афишу, то на сахар, то на дракона, то на свою ладонь.

— Держись подалеже от этого шоу, — сказал Максим мальчику.

Но мальчик не понял его. Он не знал русского языка, не знал он и английского, не знал никакого, кроме горного наречия своего деда. Но очень мечтал вырасти и поехать показывать трюки, которые умел делать его дракон на городскую ярмарку с таким загадочным названием ШОУ.

Эпилог

Не только Максим искал, куда делась тень с фотографий. Но только Макс нашел ее, нашел мальчика и его дракона. Все произошло примерно так, как предсказывал Гектор, когда показывал своему гостю листок бумаги.

Примерно через час после того, как студент причалил к скалистому острову Андаманского архипелага, на прибрежные камни вылез еще один визитер. В отличие от Максима, он был широк в плечах и ловок в движениях. Сбруя вооружения, связи и навигационного оборудования, опоясывающая гидрокостюм, должна была помочь этому разведчику выпутаться из любой ситуации, но случилось так, что именно в сбруе-то он и запутался.

В тот момент, когда супермен обследовал лодку, арендованную Максом, мимо острова проходил вооруженный до зубов эсминiec Индонезийских ВМС, на котором самый главный индонезийский адмирал возвращался с рыбалки. Заметив лодку и вооруженного незнакомца, команда эсминца резонно решила, что это израильский агент, который готовит покушение на жизнь адмирала.

После стремительной и полномасштабной операции агент был обезврежен, арестован и увезен эсминцем в недра индонезийских Служб.

За всем этим наблюдала через перископ новейшая атомная подводная лодка. Разумеется, американская.

Капитан подлодки сообщил командованию, что в таком-то квадрате, на скалистом острове, расположена секретная, тщательно охраняемая военная база, на которой, судя по данным разведки, происходят испытания неизвестного самолета. Проникнуть на территорию объекта не представляется возможным, ибо приведет к прямому военному конфликту.

Командование ответило капитану, что задача выполнена и теперь он может погрузиться и затаиться, а резиденту в Индонезии поручило выяснить все о новом самолете.

Резидент встретился с индонезийскими военными и вручил кому положено положенные в таких случаях суммы, но так ничего и не выяснил.

В Столице же никто ничего уже не искал, ибо было не до этого. Нужно было заканчивать работу созданных Премьером комиссий. И заканчивать, разумеется, награждением героев. Что и было сделано. У тех генералов, которым это было положено, появились новые ордена, у полковников — медали, у майоров — благодарности. Награждение проходило в обстановке строгой секретности, и на нем присутствовали курсанты Высшей Школы Всех Служб. Курсанты внимательно слушали наградные речи и негромко обсуждали преискуртант на звездочки, ибо теперь настало время, когда сын майора вполне мог стать генералом, если не покладая рук трудился на своей вотчине, и время полковников, вотчина которых могла оказаться побольше генеральской.

Ночью Мордоросову не спалось. Ему снилось, что остановил он тачку, а из нее вылез бородатый старик, похожий на сказочного Деда Мороза, только в серо-коричневом рваном и грязном тулупе, и взял Алексея за грудки, и потряс, и велел служить честно.

Тем же утром Мордоросов стал стопорить всех нарушителей подряд, а главное, всех штрафовать. И сынков с Андреевки, и их папаш. И квитанции выписывать, и протоколы составлять. И мзду не брать...

Его вызвали куда следует и поставили на вид. Но он продолжал вести себя совершенно невменяемо.

Его перевели за бумаги, но он так вел дела, что приходилось отпускать невиновных.

Денег стало не хватать, и жена решила, что у Лешки любовница. Но когда побил, то поняла, что любит, продала свой «крузер» и купила дешевую «шкоду». Сначала прятала от соседей глаза, а потом обнаружила, что многие приличные люди ездят на неприличных иномарках, а то и вовсе на отечественных развалюхах.

Мордоросова хотели посадить за его подлое поведение, но потом решили, что с помешанным лучше не связываться, и перевели на склад. После этого улики со склада пропадать перестали, и работа отделения была парализована.

Конец